

Константи
Финн

ОСМ

Р 30204

Петр Кривошов

Искусство

Константин Финн

Петр Крымов

**ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ,
ВОСЬМИ КАРТИНАХ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва — 1942 — Ленинград**

Разр. Репертиколом № 134 49 10
27/V 1942 г.

Редактор *М. Горякина*

Подписано к печ. 26/VIII 1942 г.
Л^д 5. 77. „Искусство“ № 2613.
Индекс 402. Печ. л. 3 $\frac{1}{2}$. Уч.-изд.
лист. 3.50 Эм. в 1 печ. л. 42688.
Тираж 7000 экз.

Цена 2 руб.

Отпечатано в тип. „Красный
печатник“ Гос. изд-ва „Искус-
ство“. Москва, ул. 2^я Октября, 5.
Заказ 1031.

Обложка работы художника
А. М. Сурикова

Действующие лица

Петр Иванович Крымов — начальник кузнечного цеха завода, 33 лет.

Ольга — его жена, 23 лет.

Александра Антоновна — мать Ольги, 50 лет.

Крюков, 32 лет

Воробьев, 50 лет

Дядя Степан, 67 лет

Маруся, 25 лет

Сазонов, 26 лет

} рабочие завода.

Киричек Иван Николаевич — директор завода, 36 лет.

Смелов — парторг ЦК на заводе, 45 лет.

Тетя Поля — уборщица в общежитии, 60 лет.

Саша — 9 лет.

Чистяков — начальник слесарного цеха, 30 лет.

Анна Петровна — секретарь Киричека, 40 лет.

1-я медсестра в госпитале, 25 лет.

2-я медсестра в госпитале, 50 лет.

Рабочие завода, начальники цехов.

Время действия — октябрь — декабрь 1941 года.

Акт I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Небольшая комната, в которой сейчас беспорядок. На стуле чемодан. Он раскрыт. Ольга складывает в чемодан вещи. Петр сидит поодаль за письменным столом и, видимо, без всякого смысла, чертит карандашом на бумаге, то и дело искоса поглядывая на Ольгу. На одном из стульев — гимнастерка, на столе — пилотка, кожаное снаряжение и кобура. Время от времени слышен гул зениток.

Ольга. Кончилась тревога или нет? Ты не слышал?

Петр. Нет. Не слышал.

Входит Александра Антоновна.

Александра Антоновна. Петр Иванович, я мохнатое полотенце Ольге положила, с красной каемкой. Вы же здесь остаетесь, а ей там...

Петр. Хорошо.

Александра Антоновна (неожиданно села к столу, подперла голову рукой). Голова у меня с утра кружится...

Ольга (*подходит к ней*). Мама! (*Положила руку на плечо матери.*)

Александра Антоновна (*встала, отстранила руку*). Я тебе на дорогу широги даю почти без начинки, а то испортятся. (*Идет к двери, остановилась. Петру.*) Вы здесь не живите, Петр Иванович, когда Ольга уедет... А если хотите, я уйду. Мне легче одной в такое время.

Петр. Хорошо.

Ольга. Что ты заладил одно слово?

Петр. Зачем ты волнуешься, Оленька! Я очень прошу тебя не волноваться.

Александра Антоновна. Не ругайтесь вы, пожалуйста! Это совсем сейчас не нужно.

Чья-то рука из коридора протягивает письмо. Голос из коридора: «Письмо для вас, Александра Антоновна».

Ольга берет письмо. Рука исчезает.

Это кому?

Ольга. Борису Николаевичу Королькову. (*Тихо.*) Это папе.

Александра Антоновна (*берет письмо*). Приходят письма человеку, а человека уже нет. Что с таким письмом делать? Порвать его поскорее. (*Рвет письмо. Смотрит*

на Ольгу внимательно. Петру.) Петр Иванович, а Ольга очень на отца похожа? Верно?

Петр. Да.

Александра Антоновна. Он очень хорошо к вам относился, Петр Иванович. Лучше, чем я. (Ушла.)

Петр. Ни одной слезы у нее.

Ольга. В нашей семье слез не бывает. Ну, теперь, кажется, все уложила. Мыло, зубной порошок наверх. Так. (Закрывает чемодан.) Интересно, он тяжелый получился? (Берет в руки чемодан.) Нет, ничего.

Входит Крюков.

Крюков. Здравствуй, Петя. Здравствуйте, Оля.

Ольга. Здравствуйте.

Крюков. Зашел к вам попрощаться, Оля. Петр, тобой Киричек интересовался. Прислал в цех. Мы сказали, что тебя отпустили, что ты жену провожаешь. Ну, как, Оля, уже собралась, вижу? Такая красивая женщина и с таким маленьким чемоданом. Вот что значит война. Помните, год назад я вас с Петькой в Сочи провожал, вот волокли вы вещей с собой. Слушайте, товарищи, вы люди опытные, — уже целый год женаты... Если девушка на признание в любви не от-

вечает ни да ни нет, то что это означает? «Вы меня любите?» — «Не знаю». Что же это означает?

Петр. Это означает, Сеня, что она уже давно любит другого.

Крюков. Иди ты!

Петр. Так оно и есть.

Крюков. Это мне не нравится.

Ольга (*Крюкову недружесливо*). А хорошее настроение вас и во время войны не покидает, Сеня.

Крюков. Более или менее, Оля.

Входит Александра Антоновна.

Александра Антоновна (*дает Ольге сверток*). Тут еда.

Ольга. Спасибо, мама.

Крюков. Здравствуйте, Александра Антоновна.

Александра Антоновна. А вы тоже никуда не уехали?

Крюков. Пока нет. Ничего не поделаешь. Нас с Петром никуда не пускают. Мы, наверное, всю войну на заводе просидим.

Александра Антоновна. Вам хорошо.

Тот же голос, что говорил о письме, раздается из коридора: «Александра Антоновна, вас какой-то военный спрашивает».

Сейчас (Уходит.)

Крюков. Получите вы, Оля, орден, а то и два, приедете и будете над нами издеваться. И будешь ты, Петр, мирный муж при военной жене. А вдруг, Оля, вы Герой Советского Союза! Значит, ты, Петр,— муж Героя Советского Союза. (Смеется.)

Петр (улыбается). Изболтался весь, даже посинел. Хватит.

Входят человек в военном и Александра Антоновна. Они продолжают разговор, начатый в коридоре.

Военный. Здравствуйте все.
(Александре Антоновне.) Он три раза ходил в разведку, и все было благополучно. Даже как-то чересчур благополучно.

Александра Антоновна. Когда?

Военный. Три дня назад.

Александра Антоновна. Похоронили?

Военный. Нет. Не нашли.

Александра Антоновна (села, скорее упала на стул. Закрывает лицо руками). Вы его товарищ?

Военный. Да. Но, поверьте, все бывает, может быть, он вернется.

Александра Антоновна. Он не вернется.

Военный. Не нужно терять надежду.

Александра Антоновна (до нее не доходят слова военного, она говорит сама с собой). Месяц назад убили моего мужа — его отца. Он был в ополчении. Он кассир, он не военный...

Звонок телефона.

Петр (снимает трубку). Потом, потом. (Кладет трубку на рычаг.)

Александра Антоновна. Маленькая семья была у нас. Совсем маленькая. А теперь у нас нет мужчин. Одни женщины.

Петр. Александра Антоновна...

Александра Антоновна. Что тебе?

Петр. Александра Антоновна, я хочу сказать вам, что я...

Александра Антоновна. Видите, какой он высокий, сильный? Это муж моей дочери. Он здесь, а она уезжает на фронт. (Уходит.)

Военный. Ох, горе, горе... (Идет за ней.)

Ольга. Мама! (Бежит к двери.)

Петр. Оленька!

Ольга убегает.

Крюков. Юру убили, ох, ты, господи!
(Вытер глаза рукой.)

Петр (глухо). Чудный парень! Сеня, иди-ка лучше сейчас домой, а?

Крюков. Правда. Мне лучше уйти. Слушай, Петр, а мы с тобой, действительно, знаешь — тыловики.

Петр. Что?

Крюков. Тыловики, я говорю, мы с тобой.

Петр. Да.

Крюков. Не любят тебя здесь.

Петр. Почему ты думаешь?

Крюков. Так.

Петр. Отец меня любил и Юрка меня любил.

Крюков. Не знаю. Ты всегда «мой отец», «моя мама», «моя семья». А повернулось все, и оказывается не так: и не твой отец, и не твоя мама, и не твоя семья. Они друг друга только держатся. Я же вижу.

Петр. Зачем ты это говоришь?

Крюков. А мне за тебя обидно. Я за тебя кому угодно голову оторву. Даже твоей жене, если ты хочешь знать. Можешь ей об этом сказать, пожалуйста. Мы с тобой босыми мальчишками бегали по Митьковской улице. Это ценно, это дорого, и это два раза в жизни не случается. И мальчишками боль-

ше не будем, и босиком ходить не придется. Мне-то хотя понятно. Отца у тебя не было, матери не было, ну, ты и привязался: «Моя мама», «мой папа». Это мне понятно.

О л ь г а входит медленно, остановилась посредине комнаты.

О л ь г а. Юрка, Юрка... Что ему было, этому Юрке? — Девятнадцать неполных лет. И любил он Таню Петрову — эту черненькую, глупенькую. И выйдет она через месяц-два замуж и забудет о нем. А через несколько лет уже никто не будет помнить об Юрке. Что он видел в жизни, Юрка? Ничего не успел увидеть.

К р ю к о в. Ну, я пошел, Оля. *(Пытается протянуть Ольге руку.)*

Ольга не обращает на него внимания, и рука его висает в воздухе.

П е т р *(Ольге)*. Хоть бы заплакала ты. Ведь это же брат. Это же Юра погиб. Каменная вы семья.

К р ю к о в. Ну, Петя, я пошел. *(Протягивает руку Петру, но и Петр не обращает внимания на него.)*

О л ь г а. Наша семья каменная, но честная.

Петр. Я знаю.

Ольга. Нет, ты не знаешь. Очень честная, наредкость честная. Она гибнет за свою родину и не плачет при этом. (*Голос ее дрогнул.*) И в этой семье не было рабочих, таких уж сознательных людей. Были кассиры, студенты, студентки, домашние хозяйки. Довольно-таки средняя, можно сказать, семья.

Крюков. Ну, я пойду.

Петр. Наш завод работает на армию...

Крюков. Ни одного человека с нашего завода не отпускают.

Ольга. Какой завод? Как вам обоим не стыдно? Молодые, здоровые ребята. Немец подходит к городу. С нашего двора ушли почти все мужчины, даже мальчишки готовятся драться. Отцу было пятьдесят пять лет. И он не смог сидеть дома. А вы правильные слова говорите с таким видом, будто бы вы что-то там знаете. Да ни черта вы не знаете больше, чем я, чем мама, чем знал отец, Юрка. Просто вы хотите жить и пережить войну. Вот и все, что вы знаете. Но уж это вы знаете хорошо.

Крюков. До свиданья, Петя. (*Схватил руку Петра, пожал и ушел, не попрощавшись с Ольгой.*)

Ольга (*про Крюкова*). Он обиделся,

этот молодой, здоровый парень, с чудным настроением. Ты тоже, наверно, обиделся.

Звонит телефон.

(*Берет трубку.*) Да, слушаю. Я. Какая разница, когда я уезжаю. Да его никто не держит, он может ехать. Даю. (*Передает трубку Петру.*)

Петр (*берет трубку*). Да, я, товарищ Киричек. Что? (*Пауза, упавшим голосом.*) Есть такое решение? Сейчас буду. (*Кладет трубку на рычаг.*) Завод эвакуируется в тыл.

Ольга. Чудно! Будешь жить в тихом, спокойном месте. Не пей только сырой воды.

Петр. Что?

Ольга. Я говорю, — не пей сырой воды, а то можешь захворать. Переживешь войну и проживешь до глубокой старости.

Петр. Оля, Оленька, милая...

Ольга. Это хорошо.

Петр. Что — хорошо?

Ольга. В следующий раз я буду осторожнее.

Петр. Ты думаешь, мне приятно будет сидеть в тылу с женщинами и детьми?

Ольга. С кем? С кем? С женщинами? Женщины уйдут на фронт! Вот с детьми — это да. Это как раз для тебя подходит. Будешь нянчить детей.

Петр. Ты уже сама не знаешь, о чем говоришь. *(Пауза.)* Мне надо идти сейчас. Но ведь меня, кажется, никто и не задерживает. *(Пауза.)* Ну, до свиданья, Оля!

Ольга. До свиданья!

Петр. Я желаю тебе счастья, успеха. *(Подходит к ней почти вплотную. Тихо.)* Я люблю тебя больше жизни моей. Вот такую злую, каменную, все равно люблю. Я никого не любил, кроме тебя, в жизни. И никогда никого любить в жизни не буду. Слышишь, что я говорю тебе?

Ольга. Я тоже желаю тебе счастья.

Петр. Может быть, мне можно поцеловать тебя?

Ольга. Как хочешь.

Петр *(целует ее)*. Я еще раз тебя поцелую.

Ольга. Не проси. Ты же не нищий.

Петр. Это правильно. *(Ушел.)*

Ольга увидела, что Петр вышел, бежит к двери, остановилась, держится рукой за косяк, точно боится упасть. Вошла Александра Антоновна.

Ольга *(бросается к ней)*. Мама!

Александра Антоновна. Оля, дочка моя!

Несколько мгновений они стоят обнявшись.

О л ь г а. Про нас говорят, мама, что мы каменные, что мы плохие.

А л е к с а н д р а А н т о н о в н а. Пусть говорят. У меня, Оля, внутри как будто сердца нет. Мертвое все внутри, и ничего не движется.

О л ь г а. Он ушел, и мы даже не попрощались. Он сам, наверно, не виноват. Слабохарактерный, безвольный, и мне жалко его. Но ничего, мама. Я теперь буду мстить за нашу семью, за отца, за Юрку... за нашего Юрочку. *(Пауза.)* Я и за него буду мстить, если он сам не может. Он не виноват, мама. Он просто не может.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Через шесть дней после первой картины. Уголок кузнечного цеха. Сбоку комната начальника цеха — Петра Крымова, вернее, это просто загородка со стенами, не достигающими потолка. Стены комнаты состоят из стеклянных рам, для того чтобы отсюда можно было видеть цех. Около ковочной машины, которая почти разобрана, — Воробьев. дядя Степан, Маруся. Части машины лежат на полу. Беспорядок. Время от времени слышен гул зениток.

П е т р *(выходит из своей комнаты, остановился у машины, смотрит)*. Ящики будем нумеровать по деталям, имейте в виду.

Маруся. Хорошо.

Петр. Где Крюков?

Воробьев. Не знаю... С самого утра нет.

Петр. Третью машину никто, значит, не разбирает?

Воробьев. Сама не распадается.

Петр. Маруся, пойдешь на третью машину, — возьми Сазонова.

Маруся. А когда Крюков придет, тогда его сюда?

Петр. Крюков не придет. Как у вас дела?

Воробьев. Дела у нас хорошие, дела очень хорошие, такие дела, что умереть не жалко.

Петр. Воробьев, зайди сейчас ко мне.

Воробьев. Что такое?

Петр идет в свою комнату. Воробьев идет за ним.

Петр (*тихо и злобно*). Если ты, сукин сын, будешь мне сейчас уныние наводить на людей, я, знаешь, что с тобой сделаю?

Воробьев. Не я говорю, горе мое говорит.

Петр. У тебя горе, а у меня что, радость? Тебе плохо, а мне хорошо сейчас? Так, что ли?

Воробьев. А, брось, Петька! Постави-

ли тебя над нами за способности твои. Об этом никто не спорит. Но только ты не забывай все-таки, что ты у меня подмастерьем бегал, а не я у тебя.

Петр. Ничего больше не скажешь?

Воробьев. Чего же больше?

Петр. Так вот: во-первых, я тебе не Петька сейчас, а Петр Иванович, во-вторых, я, Воробьев, церемониться, ты знаешь, не умею. Я голову оторву, понятно?

Воробьев. Это-то нам уж слишком хорошо понятно и известно.

Петр. Ты коммунист. Я тебе разъяснять ничего не буду, Воробьев. Я тебя успокаивать не буду. Понятно?

Воробьев (тихо). Понятно.

Петр. Иди, работай.

Воробьев уходит из комнаты и сталкивается в дверях с Крюковым.

Крюков (очень возбужден). Ну, Петя, нужна твоя санкция.

Петр. Какая еще санкция?

Крюков. Я ухожу на фронт. В отряд меня приняли. Нужна твоя санкция, начальника цеха, без нее заместитель директора по кадрам...

Петр (перебивает). Ты где сейчас был?

Крюков. Ходил записываться...

Петр. Кто тебя отпустил?

Крюков. Так какая же сейчас работа, Петя? Машины валить, и все.

Петр. Пойдешь под суд.

Крюков. То-есть, как под суд?

Петр. Очень просто.

Крюков. Давай не шути, ни к чему это.

Петр. Уж какие тут шутки!

Крюков. Ты что, серьезно?

Петр. Да.

Крюков. Ты понимаешь, что немец подходит к городу?

Петр. А тебя сейчас вовсе не касается, куда немец подходит. Ты что — главнокомандующий? Тебе кто-нибудь поручал выяснять, куда немец подходит? Ты посмел в такое время бросить завод на целый день. Ты понимаешь, какое сейчас время?

Крюков. Я же хотел жизнь свою отдать, Петя.

Петр. А меня не интересует, что ты хотел отдать. И кто тебе, коммунисту, позволил сегодня твоей жизнью распорядиться так свободно и легко — по своему усмотрению?

Крюков. Значит, ты меня судить?!

Петр. Нет, не я, а люди, которые сейчас отбивают Москву от немца, которые умирают на снегу. Они тебя звали на помощь, Крюков? Нет, они не звали тебя. Они велели

тебе: «Сиди здесь, работай здесь, подыхай в случае чего здесь, но давай снаряды».

Крюков. Как же будет?

Петр. Я сказал как. Я воспитывать не умею. Я не брался за это. Довольно нас воспитывали! Теперь уже времени нет. Война.

Телефонный звонок. Петр берет трубку.

Да, сейчас иду. *(Ушел.)*

Крюков стоит у стола, опустив голову. У дверей комнаты Маруся. Она слышала весь предыдущий разговор. Оглядывается, входит в комнату.

Маруся. Сеня!

Крюков *(вздвигнув)*. Что?

Маруся. Он отменит.

Крюков. Нет, я его с детства знаю.

Маруся *(тихо)*. А если бы не такое время, я за тебя, может быть, замуж вышла бы, Сеня.

Крюков. Что?

Маруся. Вот все не знала, а вот сейчас все узнала. *(Опустила голову. Тихо.)* В одну минуту все и узнала.

Крюков. Маруся!

Маруся. Тише ты, ведь тут же все видно. Если тебя засудят сидеть, я все равно дождусь. *(Всхлипнула.)* Ты мне теперь дороже всего на свете. Иди, пожалуйста, сам к

директору и объясни ему. Иди сейчас же.

Крюков. Хорошо. (Ушел.)

Вошел Петр.

Петр (сел на свое место, что-то пишет. Говорит Марусе, не поднимая на нее глаз). Ты что здесь?

Маруся. Сейчас пойду. Про баб говорят,— вот они такие-сякие... Друг друга топят в ложке воды, дружить не умеют. А мужики, как я погляжу, тоже, знаете, насчет дружбы... слабенько... Тоже больше на словах.

Петр. Правильно. Все?

Маруся. Чего же еще!

Петр. Иди, работай.

Маруся. Конечно, человек этот мне сейчас близкий...

Петр (поднял голову, поглядел на Марусю). Полюбила, все-таки?

Маруся. Полюбила.

Петр (тихо). Хорошее дело. Надолго ли?

Маруся. Навсегда.

Петр. Одобряю. У женщин это, кажется, редко бывает. (Голос его дрогнул.) Если так — хорошо. Не смею не верить.

Маруся. Неважный вы человек, Петр

Иванович, я вам скажу. Совсем неважный. Откровенно я вам скажу. Сеня про вас и то и другое... Я верила, ведь он с вами с детства знаком. Может быть, я одна из всех людей и верила. Вы Сеню никогда не любили. А он любил, он честно вас любил.

Петр. В этом мы с ним сами как-нибудь разберемся.

Маруся. Нет уж, не придется вам с ним разбираться. Я не дам ему разбираться. У него душа простая. Его каждый обидит. Я за него глаза выцарапаю. Так что уж не придется вам с ним разбираться. Вы себе еще такого товарища и друга займите. Попробуйте обмануть еще кого-нибудь. И уж по правде если,— еще вам скажу: по способностям вашим, может, вам директором быть. Но не пустят люди. На свою голову люди не пустят. (Ушла.)

Петр стоит у стола, смотрит ей вслед, затем выходит в цех. Подошел к машине.

Петр. Ну, как?

Воробьев (тихо). В порядке.

Дядя Степан. Стояла, стояла... Сколько лет она тут простояла. Когда ставили ее сюда, мы различные хорошие песни пели. Где же она теперь будет стоять? На каком таком месте?

Воробьев (искоса поглядел на Петра).
А возможно, дядя Степан, она на хорошем месте станет.

Дядя Степан. А здесь у нее чем плохое?

Воробьев. Ничего не говорю в этом отношении.

Дядя Степан. Не говоришь, так и не говори.

Воробьев (опять искоса поглядел на Петра). Станет на хорошем месте. Будет давать продукцию.

Дядя Степан. Больше ничего не скажешь?

Воробьев. Нет.

Дядя Степан. Ну, спасибо тебе и за это. (Петру.) Я, Петр Иванович, сегодня выпил. Я очень хорошо сегодня выпил.

Петр. Напрасно, дядя Степан, совсем напрасно.

Дядя Степан. А ты меня суди. Ты теперь всех судишь. И меня суди. Я тебя породил, как говорится, а ты меня и убей. Ну, вали... Чего там...

Петр. Я не судья, дядя Степан. Закон у нас есть, что на производство пьяным приходить нельзя. А сейчас тем более.

Дядя Степан. Правильный закон. Подписываюсь. Так то же на производство. А

где же оно тут сейчас, производство? Это, что ли? *(Толкнул ногой детали.)* Так будь оно проклято, такое производство! И зачем я дожил до этого, и зачем я жизнь свою положил, чтобы видеть такое производство!

Петр. Спокойно, дядя Степан, спокойно.

Дядя Степан. Я спокоен.

Петр. Ты трезвый сейчас или пьяный?

Дядя Степан *(усмехнулся)*. Я старый, Петя.

Петр. Ты трезвый совсем, дядя Степан.

Дядя Степан. Я выпил, Петя, я честно скажу. А ты меня когда на работе пьяным видел? И никто не видел. Значит, ты молчи, Петя. Молчок! Не дай тебе бог меня сейчас затронуть. *(Подошел вплотную к Петру.)* Петр Иванович, скажи нам правду. Что все это означает? Конец Москве? Ты говори открыто, перед тобой стоят люди, перед тобой стоит рабочий класс. Нам бежать некуда и незачем.. Нам не ящики по дорогам возить сейчас, а винтовки брать вот в эти руки и этими руками Москву защищать, нашего Сталина. Ты мне правду говори. Ты мне комиссарить брось! Я плевал на тебя. Я тебе не Сенька Крюков! Я много вас таких вырастил. Ты мне говори правду!

Петр. Не ори!

Дядя Степан. Не пугай! Меня бог за

всю жизнь ни разу не испугал. Ты говори правду.

Петр. Правду скажу. (*Заикается от страшного волнения.*) Ч-чорта с два! Чорта с два! Дьявола они...

Дядя Степан. Спокойно, Петя, спокойно...

Петр. Дьявола лысого он Москву нашу получит! Вот правда. И вторую правду скажу... Ящики по дорогам возить будешь. Заставлю! (*Тяжело дышит.*) Тут все кончено. Идите на третью машину Марусе помогать.

Дядя Степан, Воробьев, Сазонов уходят. Петр стоит на месте. Он все еще тяжело дышит. Подходит парторг ЦК Смелов, который наблюдал и слышал всю эту сцену.

Петр (*увидел его, тихо*). Весь завод в ящики уходит. Жизнь была. Кладбище тут сейчас. Гробы. И из пробов опять жизнь создать.

Смелов. Будем унывать, товарищ Крымов?

Петр. Как видите, я не унываю.

Смелов. Я пока ничего не вижу, Петр Иванович. Я увижу, когда жизнь из ящиков выйдет и снова жизнью станет. Дальше будет. Петр Иванович, куда труднее.

Петр. Да.

С м е л о в. И должны пережить все. А как пережить, вы знаете. Вы не хуже меня знаете, и вам я говорить не буду. Только одно, наверно, еще не знаете. Надо спокойным быть. Спокойствие — это разум работы, Петр Иванович. Конечно, в такой момент быть спокойным... может быть, от этого спокойствия сердце, которое человеку одно на всю жизнь выдано, может испортиться в более короткие сроки.

П е т р. А Сталин сейчас спокоен?

С м е л о в. Да. И если вы хотите, чтобы он был спокойным, будьте спокойным вы.

П е т р. Понимаю.

П е т р идет в свою комнату, садится за стол, что-то пишет. Голова его склоняется, как у человека засыпающего. Вот он поднял голову, борется со сном. Опять склоняется его голова. Входит К и р и ч е к.

К и р и ч е к. Как у вас дела, товарищ Крымов?

П е т р (*вздрагнул, очнулся*). Да? Что?

К и р и ч е к. Как дела, я спрашиваю?

П е т р. Ничего, товарищ директор, но могли быть лучше.

К и р и ч е к (*смотрит внимательно на Петра*). Вид у вас неважный.

П е т р. Какой уж тут, к черту, вид! Шестой день сегодня не выхожу из цеха.

Киричек. Спать хочется?

Петр. Да.

Киричек. Пойдите ко мне в кабинет и поспите на диване часа два-три.

Петр. Не стоит сейчас. Я уж, видите, разгулялся, а засну если, не разбудите сутки.

Киричек. Жену проводили?

Петр. Шесть дней назад проводил.

Киричек. Завтра начнем вас грузить. Успеете к завтраму?

Петр. Надо успеть. Я думаю, товарищ Киричек, сейчас людей часов на пять отпустить домой поспать, отдохнуть, а потом с новыми силами...

Киричек. Верно.

Петр. Хотя сам не знаю. Меня третья машина тревожит. Она, по вине Крюкова, почти нетронутая стоит, из-за нее можем не успеть.

Киричек. Да, кстати, товарищ Крымов, как поступим с Крюковым? Жалко, все-таки, парня.

Петр. Мне больше, чем вам.

Киричек. Почему?

Петр. С шести лет друг друга знаем.

Киричек. Вот как?

Петр. Но он мне такой не нужен. Мне с ним делать нечего.

Киричек. А я бы сейчас, Петр Иванович, не поднимал дела.

Петр. Ну и не поднимайте.

Киричек. Я без вас этого вопроса не решу.

Петр. Я свое высказал, товарищ Киричек, я по два раза привычки не имею решать.

Киричек. Это вы совсем напрасно, товарищ Крымов. Бывают такие вопросы, которые по пять и по шесть раз не зазорно решать. Вопрос идет о судьбе человека, о судьбе коммуниста. В такой день, как сегодня, под суд...

Петр. Зачем вы мне все это объясняете? Я ведь и сам кое-что понимаю.

Киричек. Честное слово, со стороны получается, что это я с Крюковым вместе вырос, а не вы.

Петр. Это очень ценно, очень дорого, кто с кем вырос, и забывают про это только очень плохие люди, но вы меня простите, товарищ Киричек,— это только меня касается. Я ведь вашей помощи для моего сердца не прошу. (Почти выкрикнул.) Или прошу? (Стих.) Я привык сам на свои раны заплатки класть. Вы знаете, что происходит сейчас на заводе? Или не знаете? И что другое может происходить, когда у людей из сердца

кровь хлещет! И люди ищут сейчас... И человек ищет сейчас человека и твердую руку командира. (Пауза.) У всех у нас в этот тяжелый момент, наверно, самый тяжелый момент в нашей жизни, одна может быть проверка: как бы в этом случае поступил Сталин. Другой проверки у нас сейчас нет.

Киричек. Сталин единственный, товарищ Крымов.

Петр. Верно, Сталин — единственный, но каждый должен стремиться — как Сталин. Тогда победа. А если не так, то ничего не выйдет, и лучше сдаваться сразу, без шума.

Киричек. Все, как Сталин. Это верно. Но ведь именно Сталин учит нас чуткому отношению к человеку, товарищ Крымов.

Петр. Правильно. Так то ж к человеку, товарищ Киричек. А вы знаете, что такое, по Сталину, человек? Это совсем не так просто. Но обстоятельства разные. И некоторым людям пока ничего не следует. На всех пока нехватит. А кто с кем вырос, товарищ Киричек, кто с кем дружил, разберемся на досуге, если живы останемся.

Киричек. Я его переведу в слесарный цех. Он приличный слесарь. Приедем на место, там разберемся.

Петр. Это дело ваше, товарищ Киричек. И давайте кончим этот разговор. Вы, кажет-

ся, сами что-то говорили о чуткости. Мне еще нужно цех вывозить.

Киричек. И не только это. Я назначаю вас начальником эшелона.

Петр. Хорошо.

Киричек. Через полчаса ко мне зайдите — выработаем точный план погрузки вещей.

Петр. Хорошо.

Звонит телефон. Петр берет трубку.

Да, кого? Вас, товарищ Киричек.

Киричек (*берет трубку*). Слушает Киричек. Что? Как, сегодня? Вы путаете. Решение было — завтра. Что? Ну, что же... Хорошо. (*Вешает трубку*.) Грузимся сегодня.

Петр. Вот это — да!

Киричек. Где у вас списки?

Петр. Вот. (*Дает списки Киричеку*.)

Киричек садится к столу, делает отметки. Петр выходит из комнаты.

В ЦЕХЕ У МАШИНЫ

Петр (*подходит к рабочим*). Товарищи, минуту внимания. Мы грузимся сегодня. Следовательно, никто не уходит. Отдохнем в пути.

Воробьев. Семейство же надо предупредить. Они рассчитывают на завтра.

Петр. Все будет сделано.

Сазонов. А в смысле продовольствия?

Петр. Я начальник эшелона.

Воробьев (дяде Степану, очень тихо.)

Ну, тогда порядок. В случае чего на себе привезет. (Петру.) А с другой стороны, и лучше, что сегодня поедем. Вечер. Отъезжать будем в темноте. Как слепые. (Высморкался.) А то днем поплывут дома московские, улицы, а по ним-то хожено, хожено...

Всклинула Маруся.

Вся жизнь тут была от рождения. Тут ребятами бегали, тут женились, тут детей растили. Тут и Владимира Ильича похоронили. Уехать бы уж поскорее.

Дядя Степан (Воробьеву). Распускаться не надо, Петр. Слышишь? Слышишь, что я говорю? Ты, Петр, — рабочий класс, ты обязан все снести.

Петр (Воробьеву). Давай ящики сейчас прямо в нижний зал.

Все разошлись по цеху.

В КОМНАТЕ ПЕТРА

Тихо входит Крюков.

Крюков. Товарищ Киричек, как же?

К и р и ч е к (поднял голову). Я перевожу вас в слесарный. Работайте хорошо, а потом посмотрим.

К р ю к о в (взволнованно). Спасибо... (Подожел, взял руку Киричека.) Этого я никогда не забуду в жизни моей. И пусть я буду последним подлецом, если я это забуду, товарищ Киричек.

Входит С м е л о в.

С м е л о в (наблюдает сцену). Это что за объяснение в любви?

К р ю к о в. Да, в любви, товарищ парторг. Потому что таких людей, таких коммунистов, как товарищ Киричек,— поискать надо. Я от всего моего сердца говорю. (Ушел.)

С м е л о в. Что тут произошло, Иван Николаевич?

К и р и ч е к. Да так, пустяки.

С м е л о в. Пустяки? Ну, о пустяках говорить нечего. Иван Николаевич, что у вас все время с Крымовым нелады? Что такое?

К и р и ч е к. Горячий человек.

С м е л о в. Это сейчас большое достоинство, Иван Николаевич.

К и р и ч е к. Безусловно. Ну, и как известно, не очень хороший человек.

С м е л о в. Вот это хуже, но тоже неплохо, я бы сказал.

Киричек. То есть, как?

Смелов. Чересчур много хороших, Иван Николаевич, а плохих-то совсем не видать стало. Это немного подозрительно. Тем более, что хорошие, которых, как выяснилось, у нас хватает, два дня потеряли, неизвестно почему. Так, может быть, плохие сделают что-нибудь более путное. Кузнечный цех Крымова готов к отправке, а отделочный цех почти нетронутый стоит, точно мы его, как в сказке, по мановению руки будем на новые места переносить.

Звонит телефон.

Киричек *(берет трубку)*. Да. Кого? Кто его просит? Жена? Сейчас. *(Кричит.)* Петр Иванович, вас жена к телефону.

Петр *(слова Киричека застают его в тот момент, когда он идет по цеху в свою комнату. От неожиданности он остановился)*. Жена? Как, жена? Ее же нет в Москве.

Дядя Степан. Ты иди, иди, чего окаменел-то? Торопись. Ждет она!

Петр. Да, да! *(Бежит. Вбегает в комнату, берет трубку. Рука его дрожит, и голос срывается.)* Оля? Ты? Оля, милая моя! Оля! Что? Кого вам? А, Воробьева... *(Кричит.)* Петр Иванович! Товарищ Воробьев, тебя жена спрашивает. *(Трубка в руке Пе-*

тра, он не кладет ее на стол. Он, видно, не может еще притти в себя от пережитого волнения, не может еще смириться с мыслью, что по ту сторону провода не Ольга, а другая женщина.)

Входит Воробьев, вытирает руки о фартук.

Тебя жена по телефону, Петр Иванович.

*Воробьев (осторожно берет трубку).
Слушаю.*

Петр (спокойно). Не забудь ей сказать, что едем мы сегодня.

Занавес

Акт II

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Маленькая комната, видно, она выгорожена из большого зала, так как стены фанерные и не соответствуют карнизам потолка. В комнате стулья, стол, буфетик, койка.

Тетя Поля убирает комнату, Саша играет. Входит
Петр.

Петр (в руках у него маленький чемоданчик. Оглядывается). Вы не знаете, в какой комнате живет Петр Иванович Крымов?

Тетя Поля. Кто, кто?

Петр. Ну, начальник кузнечного цеха, Крымов?

Тетя Поля. Не знаю. Тут теперь эвакуированные из Москвы, а я здешняя. Тут раньше партийные курсы были, а я здешняя уборщица. Теперь у нас народу наехало много. Можно сказать, второй город образовался. И ходят по улицам и ездят.

Петр. Ах, ты чорт! Полчаса хожу по коридору. Где же это Петр Иванович Крымов живет? Чорт его подери, в самом деле.

Тетя Поля. Вы почитайте, кто тут живет. Тут написано (*Идет к буфетику, достает записку, подает Петру.*)

Петр (*читает*). Петр Иванович Крымов. Ну, вот, слава богу. Он-то мне и нужен. (*Оглядывается.*) Смотри — какое помещенье!

Тетя Поля. Начальство у них считается.

Петр. А как же! Начальству первое уважение. Хорошо начальство устроилось.

Тетя Поля. Ну, вот видите. Только его нет, хозяина. Его уже больше месяца нет. Как приехал, не показался ни разу, домой не заходит. Все на заводе. Другие тоже тут не часто бывают, а этот и совсем не заходит. Вам, в случае чего, лучше на завод к нему пойти. Там его и найдете. Я его не видела даже, но слухи неважные о нем.

Петр. Ну?

Тетя Поля. Плохой человек, ихние про него говорят. Характер грубый, тяжелый. Жена, говорили, его бросила из-за характера. Да ведь сколько над женщиной не измывайся — конец должен быть.

Петр. А больше ничего о нем не говорили?

Т е т я П о л я. Больше ничего. Строгий человек, ненавистный. Никто его не любит, и он никого не любит. Я уж и то зря убиваю — от скандала.

П е т р. Как это зря?

Т е т я П о л я. Ведь его-то нет. Убрала раз — и ладно. А пыль-то осаживается. Ну, чтобы скандала не было — я прихожу, сметаю. Раз уж он такой человек, не хочу расстраиваться, тем более я больная женщина. Ну, Саша, пойдем.

П е т р. Это что, внук ваш?

Т е т я П о л я. Чей он внук и кто его бабушка, сказать вам не могу. Ходит за мной он так.

П е т р. Не понимаю.

Т е т я П о л я. Скучно ему одному. Ребят для него нет, вот он за мной и бегаёт. Я прибираю комнаты, а он бегаёт за мной. (Тихо.) Отец у него командир на фронте — убит ещё с самого начала.

П е т р. А мать где?

Т е т я П о л я. А она, когда поездом сюда ехала, её бомба убила. Ну, мальчика сюда и привезли. Решение должно выйти, чтобы его в детский дом определить. Так он хороший. Я его покормлю, он, значит, тут же себе играет. Тихий. Шума от него нет. Все

что-то мастерит. (Громко.) Ну, пошли, Саша.

Саша. Я здесь буду.

Тетя Поля. Понравились вы ему. Вы что, дожидаться хотите? Дождитесь, только напрасно. Я, Саша, в кухне буду, слышишь? (Ушла.)

Саша. Какой ты большой.

Петр. Тебя побольше, это верно.

Саша. Ты ей не верь. Я вовсе не тихий. А почему ты не военный? У тебя есть что-нибудь поиграть?

Петр (растерянно). Поиграть? Это что же тебе для этого нужно?

Саша. Все, что подходящее.

Петр. Вот часы хочешь?

Саша. Что я маленький, что ли, в часы играть. Разобрать-то их не дашь?

Петр. Да, не нужно, пожалуй.

Саша. И никто не даст. У тебя молоток есть?

Петр. Молоток-то есть, да он на заводе.

Саша. А клещи?

Петр. И клещи на заводе.

Саша. Все у тебя на заводе. Она говорит — я тихий. Я не тихий, я хитрый.

Петр. Почему же ты хитрый?

Саша. А будешь шуметь, враз прогонят. Нечем, значит, поиграть?

Петр. Подожди, подожди. (*Шарит по карманам.*) Постой, брат. Хочешь конфету шоколадную?

Саша. Конечно, хочу.

Петр (*вынимает из кармана несколько конфет*). Понимаешь, забыл даже о них. Нам три дня назад к чаю дали, сунул в карман, там с тех пор и лежат. Ты что смеешься?

Саша. Ничего.

Петр. Ну, скажи, все-таки.

Саша. Такой большой, а говоришь неправду. Про конфету забыл... Кто же тебе поверит. Ты добрый?

Петр. Не знаю.

Саша. А я знаю. У меня папа был очень добрый. Такой был очень добрый. Он был старший лейтенант. Когда на фронт уезжал, ох, он меня целовал, целовал. Мне даже больно стало.

Петр. Смотри, как ты перепачкался.

Саша. Я сотру.

Петр. Да подожди ты рукавом. Нет, тут, брат, мыться надо. Где тут умывальник?

Саша. Тут умывальная комната есть. Тут не один умывальник. Тут много.

Петр. Пошли мыться. (*Уходит с Сашей.*)

Через мгновение просовывается голова Крюкова.

Крюков (*вошел*). Вот и нет его. А го-

ворили, он домой пошел. Лучше я ему напишу. (*Садится к столу, хочет писать.*) Нет, я дождусь и поговорю. (*Прошелся по комнате, репетирует будущий разговор.*) «Ну, скажи, Петька, не стыдно тебе? Эх, ты!» Нет, не то. «Вот что, Петр, вопрос назрел...»

В комнату заглядывает Маруся.

Маруся. Ты что тут делаешь?
Крюков (*смущенно*). Так зашел.

Маруся (*входя*). Самолюбие у тебя есть или у тебя его совершенно нету?

Крюков. Я тебе объясню...

Маруся. Пойдем домой. Там и будешь объяснять. Я и минуты здесь быть не хочу.

Входит Петр.

Петр (*удивлен, не показывает этого*).
Здравствуйте!

Крюков (*взволнованно*). Здравствуй, Петр. Вопрос назрел... (*Поглядел на Марусю.*)

Петр. Назрел.

Крюков. Да. (*Опять поглядел на Марусю.*) Ты... Ты... Петр... Ты помнишь, у меня брал торцовые ключи еще в Москве... Так они мне сейчас очень нужны.

Петр. Они в цехе.

Крюков. В цехе? (Почти кричит.) А почему они в цехе, я тебя спрашиваю? (Стих.) В цехе, — ну, и очень хорошо. Пойдем, Маруся.

Ушли.

Петр (смотрит им вслед). Что же вы?

Входит Смелов.

Смелов. Петр Иванович, в чем дело?

Петр. Ни в чем.

Смелов. Что опять у вас произошло с Киричком?

Петр. Что у меня с ним произошло, Андрей Андреевич... это уж не так важно. Вот на заводе ничего не происходит — это хуже.

Смелов. Да, пока мало что происходит.

Петр. Время идет, стучаемся лбами. Кое-какие инструменты и части в другие места заехали. Охает, очень жалобно охает... Слеза прошибает слушать. И кто больше всех охает, тот (засмеялся) больше всех герой.

Смелов (тоже засмеялся). Вы скажете, Петр Иванович!

Петр. А как же! Людей набрали мало-квалифицированных. Удивляемся им, как памятникам. «Смотрите, как люди работать совсем не умеют. Ай-ай!» Ну, не умеют. А дальше что? «Где бы нам наших Иванова,

Сидорова и Петрова достать? Ах, как они чудесно работали». Да, действительно, где бы нам их достать?

Смелов (улыбается). Преувеличиваете вы, Петр Иванович.

Петр (тоже улыбается). Не без этого. Но в основном-то правильно. Слаб Киричек. Слаб, что говорить. Зверь нужен директор, зверь чтобы был. Где нам зверя найти?

Смелов. Не любите вы его, товарищ Крымов.

Петр. А причем тут любите, не любите. Что он мне жена, что ли!

Смелов. А он о вас хорошего мнения в общем.

Петр. Много оно стоит, это мнение, когда завод не пустили и неизвестно когда пустим. Нам не мнения друг о друге выпускать, а снаряды для армии. А то хвалят друг друга, такая идет похвальба. Довольны очень друг другом все, а толку чуть.

Смелов. Характер у вас все-таки, Петр Иванович...

Петр. Характер, что говорить — неважный. А дальше и еще хуже будет. Машины ставить можем? Нет, не можем. Пол не выдержит. Правильно. Надо бетонировать. А чем бетонировать? Вот теперь он будет бетона ждать, а я бетона ждать не буду.

Смелов. Что же вы будете делать?

Петр. Я буду крепить подвал под цехом.

Смелов. Чем вы будете крепить подвал?

Петр. Круглым лесом.

Смелов. А лес где?

Петр. А лес где? В лесу. Вот он. *(Показывает в окно.)* Полтора километра отсюда.

Смелов. А доставка, а рубка?

Петр. А мы на что? Мы что — больные? С завтрашнего дня и начнем. Куда лучше, чем бестолку болтаться и друг о друге мнения собирать. Я пятнадцатого пущу цех, пусть хоть земля перевернется. И вот тут уж, товарищ Смелов, как парторгу заявляю, — не уступлю Киричеку. Решайте.

Смелов. Да я ведь, товарищ Крымов, подменить собой директора не могу. Этого права мне никто не дал.

Петр. Ну, не подменяйте.

Смелов. Он подчинен наркому, моя задача убедить и влиять.

Петр. Убеждайте и влияйте, а я пока что с ребятами в лес. Зачем? Лес рубить, вот зачем. И таскать его, если нужно, на себе. Я время терять не буду.

Смелов. Вы уверены, что так будет правильно?

Петр. Да.

Смелов. Подумайте.

Петр. Мне думать нечего, товарищ Смелов. У меня вот где все это сидит. (*Показывает на сердце.*) У меня мозг высох от дум.

Смелов. Действуйте. Все.

Петр. А если Киричек..

Смелов. За это отвечаю я.

Петр. Решили подменить все-таки!

Смелов. Да. Ну, отвечу за это. Ну, может, пострадаю. Партия говорит сейчас: меняйте, подменяйте, чорт с вами, пустите завод, там разберемся. Ну, пострадаю. Очень много эти страдания стоят, когда советская власть страдает, когда народ страдает, когда дети без отцов, когда Сталин страдает. Помните, как он третьего июля сказал по радио: «Братья и сестры, к вам я обращаюсь». Вы слышали тогда?

Петр. Да.

Смелов. Будем действовать так, как считаем нужным.

Петр. Дайте вашу руку, товарищ Смелов.

Смелов. Держите. Валенки есть у всех?

Петр. Не замерзнем.

Смелов. Смотрите. Ну, пока. (*Ушел.*)

Петр. Пока.

Входят Саша и тетя Поля.

Тетя Поля (*Саше*). Нечего тебе тут делать.

Саша. А я не пойду отсюда.

Тетя Поля. Желает, видите ли, с вами быть.

Саша (схватил за руку Петра). Не пойду я от него, и все.

Тетя Поля. Вот видите, чем-то вы его соблазнили.

Петр. Как вас зовут?

Тетя Поля. Пелагея Ивановна, а вообще тетя Поля.

Петр. А что, тетя Поля, если его пока здесь и оставить?

Тетя Поля. Это как?

Петр. Я человек одинокий, и он человек одинокий.

Тетя Поля. Так, так...

Петр. Пусть живет у меня.

Тетя Поля. Так, так... (Высморкалась.)

Петр. Вы что?

Тетя Поля. Душевный вы человек.

Петр. Да нет, тут не в этом дело. Я ведь тоже так остался, без отца, без матери. Тоже бегал за кем придется, как собаченка. Один приласкает, другой толкнет. Дома-то настоящего не было. Так он и не случился за всю жизнь.

Тетя Поля. Да, да.

Петр. А тут он будет со мной. А то сегодня за одним походит, завтра за другим побежит. Чего хорошего!

Т е т я П о л я. Верно, верно!

П е т р. И характер у него будет от этого на всю жизнь испорченный.

Т е т я П о л я. Да уж конечно. Без отца, без матери вырасти... А у вас что же, испорченный характер?

П е т р. Люди говорят, да.

Входит дядя Степан.

Дядя Степан. Здорово, Петр Иванович.

П е т р. Здравствуй, дядя Степан.

Дядя Степан. Ну, показывай, как обосновался ты здесь.

П е т р. А чем плохо?

Т е т я П о л я. Это как же?

Дядя Степан. Ты чего, старушка, удивляешься?

Т е т я П о л я (дяде Степану). Кто же он такой?

Дядя Степан. До сих пор Петром Ивановичем Крымовым считался.

Т е т я П о л я. Ах, ты господи! Вот люди, вот люди. (Нараспев.) Ой, злые, лютые языки ваши... Можно вам чайку? У меня куб на кухне.

П е т р. Хорошо бы.

Дядя Степан. И стаканчиков вдвойне. Мы с ним культурно посидим, а то нам зав-

тра спозаранку в лес итти. Согреться надо заранее.

Тетя Поля. А как же, обязательно.

Дядя Степан. Угощение я с собой принес. *(Вынимает из кармана бутылку водки, колбасу, селедку.)* Завтра, значит, в дровосеков превратимся. И все наши разряды к чорту отступают. Даром, значит, спорили из-за разрядов-то. А дровосек — это какой разряд? Наверно, самый что ни на есть первый. Это что за мальчуган? Как это он увлекательно играет.

Петр. Хочу у себя оставить. Он один, и я один, а вместе нас двое.

Дядя Степан. Это правильно.

Тетя Поля. Пожалуйста. *(Ставит на стол посуду.)*

Дядя Степан. Я уж тут нарезал. Ну, давай выпьем... Мамаша, ты не хочешь?

Тетя Поля. Да нет. Я очень от нее смеюсь.

Дядя Степан. Ну?

Тетя Поля. Честное слово. Как выпью, так смеюсь, смеюсь. Все бы мне смеяться.

Дядя Степан. Смеяться — не плакать, выпей.

Тетя Поля. А потом сразу плакать начну. Посмеюсь и тут же плакать. И плачу, и плачу во весь голос.

Дядя Степан (испуганно). Ну, тогда действительно, лучше не надо. (Петру.) Выпьем, Петр Иванович.

Петр. Не откажусь. (Выпили.)

Тетя Поля выходит.

Дядя Степан. Гляжу я на тебя, силы в тебе до чорта. Неплохо я тебя сработал. Честное слово, неплохо. Я в твои годы тоже был сильный, но не такой. Ты сильнее. Месяц в цеху на полу проспал, а?

Петр. Это большой роли не играет, дядя Степан. Лучше бы я этот месяц спал на перине. Толку мало от того, дядя Степан. Может, тебе не надо в лес-то идти? Мороз, градусов двадцать пять.

Дядя Степан. Э, ты это брось! Нет, Петя, уж будем по возможности нашей стоять за советскую власть в любую погоду. А то упущение может случиться. Сегодня чересчур холодно, а завтра, обратно, чересчур жарко. Конечно, некоторые так и живут, все ждут погоды подходящей. И ничего, живут, не жалуется. Но нам с тобой неудобно.

Петр. Смотри, замерзнешь. Сколько тебе годов, дядя Степан?

Дядя Степан. Я считаю, лет под шестьдесят.

Петр. Что значит, ты считаешь? Тут счи-

тать нечего, смотри, не больше ли, небось года шестьдесят три?

Дядя Степан. Ну, ладно, хорошо, пусть будет шестьдесят три.

Петр. А может быть, шестьдесят пять?

Дядя Степан. Пожалуйста, пусть будет шестьдесят пять!

Петр. Что значит—пусть будет? Сколько есть, столько и есть. Это ведь, знаешь, дядя Степан, величина-то не переменная, а постоянная.

Дядя Степан. Все мои, сколько есть. Вот за это тебя люди не любят, Петр Иванович, — настойчивый ты. Характер у тебя для людей слишком ужасный. Выпьем.

Выпили.

Петр Иванович, что у тебя с женой, с Олей вышло? Скажи мне, пожалуйста!

Петр. Усумнилась она, дядя Степан.

Дядя Степан. Не понимаю.

Петр. А я понимаю? Я сам, дядя Степан, ничего не понимаю. Ну, наверно, правильно. А тебе зачем знать-то?

Дядя Степан. Если я спрашиваю, значит, мне надо знать. Я без толку не имею привычки спрашивать.

Петр. Ну, усумнилась, пусть будет так, в

конце концов, на наш век девушек хватит. Верно?

Дядя Степан. Это безусловно. Девушек хватит. Ну, твое здоровье.

Выпили.

Петр (тихо). Очень к ней синее платье идет, дядя Степан. Знаешь, оно с таким кружевным воротником. Она, бывало, его оденет... Вообще фигура у ней... (Голос дрогнул.)

Дядя Степан. Ну, что ты, Петя, в самом деле...

Петр. Нет, я ничего. Я вообще рассказываю.

Дядя Степан. И не надо рассказывать. Конечно, так конечно.

Петр. Влюбилась она в какого-нибудь хорошего парня на фронте. Он тебе и стреляет, он тебе и рубнет и вообще — герой. Ах, дядя Степан, чего ты эту тему затронул, честное слово!..

Дядя Степан. Я даром не затрону, Петр Иванович. Она-то ведь здесь. За тем я больше и пришел.

Петр. Что?!

Дядя Степан. С фронта привезли раненую. Я это иду, понимаешь, по улице, вижу везут...

Петр. Что?! Где же она?

Дядя Степан. В лазарете, который в городской больнице.

Петр. Что же ты молчал-то! *(Кричит.)*
Тетя Поля!

Тетя Поля *(входит)*. Что?

Петр. Тетя Поля, горячей воды, я бриться буду. Нет, может, не надо. В каком я виде, дядя Степан?

Дядя Степан. Да надо б, конечно.

Петр. Зачем ты молчал! Где же кепка моя? *(Мечется по комнате.)*

Саша. Дядя Петя...

Петр. Что?

Саша. Дядя Петя, я с тобой...

Петр. Со мной? Пойдем, мальчик, пойдем. Тетя Поля, наденьте ему чистую рубашку. *(Сел или, вернее, свалился на стул.)* Даже голова закружилась. Все ходуном пошло. Первый раз в жизни так.

Дядя Степан. Может, еще не впустят тебя...

Петр. Кого? Меня к ней пустят! Да где же такая сила есть, чтобы меня к ней не пустить?

Саша. А куда мы идем?

Петр. Мы идем к нашей маме, мальчик. К нашей хозяйке. Идем скорее, мальчик! Идем! *(Берет Сашу за руку, быстро уходит.)*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Небольшая больничная палата. На койке Ольга. Тихо отворяется дверь. Появляются медицинская сестра и Петр, который держит Сашу за руку.

Медсестра. Буквально на одну минуту.

Петр. Да, да.

Медсестра. У нее тяжелое состояние.

Петр. Она спит?

Медсестра. Очень тяжелый сон. Всю ночь было очень плохо. Бредила. Одну минуту только — и идите. (Ушла.)

Петр. Да. (Подходит к койке, опускается на колени, целует руку Ольги, прижимает ее руку к своей щеке.) Это она, Саша. Смотри на нее. Это она.

Саша. Зачем ты плачешь, когда ты большой?

Петр. Да, да...

Саша. Она военная?

Петр. Да.

Саша. Она храбрая?

Петр. Да.

Саша (увидел гимнастерку на стуле, стоящем в углу, на гимнастерке орден). Смотри, дядя Петя, смотри — орден! (Бросается к стулу.) Ух, какой! Это боевое знамя. Ух, она очень храбрая!

Ольга пошевелилась, простонала.

Петр. Больно тебе, Оля? Всю боль твою я бы сейчас забрал себе и не почувствовал бы. Если бы ты знала, как невозможно без тебя мне жить... Я тосковал по тебе, как собака по хозяину. Что я стою без тебя? Куда гожусь? Совсем мало стою, почти ничего. Я все время думаю только о тебе. И сердце у меня стало тяжелое, как камень, мне тяжело носить его в себе. Я хожу сгорбленный. Что же это такое стряслось с нами, Оля?

Саша. Зачем ты говоришь, когда она молчит? Она твоя жена? Она тебе даст носить орден? А ты мне тогда дашь?

Петр. Да.

Входит медсестра.

Медсестра. Вам пора.

Петр. Сейчас.

Медсестра. Пожалуйста, я прошу. Можете ей написать записку.

Петр. Нет, я не умею писать записки. Вот это будет вместо записки. Она все поймет. *(Вынимает из кармана две маленькие хризантемы, завернутые в бумагу. Подходит к тумбочке, стоящей у койки, освобождает хризантемы от бумаги, ищет место, куда их поставить.)*

Медсестра. Я сейчас принесу воды. *(Уходит.)*

Петр. Да, пожалуйста. *(Берет с тумбочки фотографию, вертит в руках.)* Кто это? Какой красивый парень.

Саша *(глядит на фотографию из-под руки Петра)*. Это просто старший лейтенант. Я знаю. Мой папа тоже был старший лейтенант. У него три кубика.

Петр *(поворачивает карточку и читает)*. «Это не забыть никогда». *(Еще раз прочел.)* «Это не забыть никогда»...

Входит медсестра.

Медсестра. Вот вода.

Петр. Что?..

Медсестра. Вы цветы хотели поставить в воду.

Петр. Да, да...

Медсестра. Поставьте и немедленно идите. *(Ушла.)*

Петр *(поставил цветы в стакан)*. Идем, Саша. *(Берет мальчика за руку.)*

Саша. А когда мы сюда опять придем?

Петр. Мы сюда больше никогда не придем.

Они уходят. Входит медсестра. Подходит к койке, глядит на Ольгу. Поправляет подушку. Ольга проснулась, чуть приподнялась на локте.

Ольга. Ох, как болит голова!

Медсестра. Вам надо выпить это.
(*Дает лекарство.*)

Ольга. Нет, подождите. Кто здесь был? Я знаю, что кто-то здесь был.

Медсестра. Успокойтесь, выпейте лекарство, тогда скажу.

Ольга. Где оно?

Медсестра. Вот.

Ольга (*выпила лекарство*). Говорите.

Медсестра. Здесь были ваш муж и сын.

Ольга. У меня нет сына. Зачем вы это говорите?

Медсестра. Успокойтесь.

Ольга. Зачем вы говорите неправду? Я на фронте никогда не издевалась над ранеными. Я сама сестра...

Медсестра. Вам нельзя волноваться. Значит, напрасно я вам сказала. Были сын и муж ваш, такой высокий, широкоплечий...

Ольга. Зачем вы издеваетесь надо мной? О, болит голова. Как болит! Где весла? А? Я вас спрашиваю, где весла?.. Старший лейтенант Григорьев, я верю тебе. Слышишь, верю, глупый... Перестань волноваться. Я тоже никогда не забуду это... Никогда...
(*Затихла.*)

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Подвал, находящийся под кузнечным цехом. Навалены бревна, доски. Часть подвала уже укреплена. Видна лестница наверх. Она примыкает непосредственно к подвалу. В подвале дядя Степан, Петр, Воробьев, Сазонов и Маруся.

Петр (Воробьеву). Теперь можешь пришивать гвоздями... не так. Дай сюда. (Берет молоток, ударяет, показывает.)

Воробьев. При твоём росте, Петр Иванович, оно куда легче. Ты вроде как Петр Первый, огромный.

Петр. А ты тянись, Воробьев, дотягивайся. Тянись, как к счастью тянутся. Как к девушкам тянулся, когда молодой был. Хоть сдин раз ты не дотянулся тогда?

Воробьев. Да не случилось.

Петр. Вот видишь.

Воробьев. Веселый ты сегодня, Петр Иванович.

Петр. Хорошо дела идут, Воробьев.

Воробьев. Идут.

Петр. Тьфу, не сглазить бы, ей богу, по-слезавтра кончим.

Пауза.

Воробьев. Совести-то у тебя хватило, Петр Иванович, выговор влепить? И кому ты выговор влепил? Человеку, который тебя...

Эх, Петр Иванович! Нет, трудно с тобой жить. Я домой пришел и жене не могу рассказать. Стыдно. От кого выговор?

Петр. Послезавтра как кончим — сниму. Слово. Речь о тебе произнесу, если так, как сегодня, будешь действовать. Расцелую. Марии Кузьминишне твоей подарок сделаю, пойду ей в ножки поклонюсь за то, что у нее такой муж хороший. Ну, что ты от меня еще хочешь? Все сделаю.

Воробьев. А, иди ты!..

Петр. Поживей, Петр Иванович. Я на тебя сегодня люблюсь, честное слово, люблюсь прямо.

Воробьев. Ты, смотри, новый выговор не влечи. Вот еще молоток Сазонов забрал. (Кричит.) Сазонов, где мой молоток?

Дядя Степан (Петру). Ну-ка, Петр Иванович, возьмем-ка эту палочку. (Поднимает за один конец бревно.)

Петр. Не надорвись, дядя Степан, померь.

Дядя Степан. Меня, Петя, смертью пугать — время терять. В мои годы она каждый день может пожаловать, утром, днем и вечером. В любое время дня и ночи. Ну-ка ударь-ка еще раз и чуть на меня подай. Вот так. Видишь, встала. Идет у нас дело-то, Петя.

Петр. Идет, хорошо идет...

Дядя Степан. Ну, а как там ты считаешь? *(Показывает рукой на потолок.)*

Петр. Порядок. Любое давление пол выдержит. Отвечаю. Одно только — вот этот левый угол... Какой-то дурак в этом левом углу трубу провел. Сырость. Ну, вот закрепим, и будет хорошо. *(Кричит.)* Сазонов, поди ко мне!

Сазонов *(подходит)*. Что, Петр Иванович?

Петр. Иди сейчас наверх, к Прохору Егоровичу, и скажи ему, чтобы на левый бок ничего не ставил. Пока все на правую сторону и на центр. Понятно?

Сазонов. Понятно.

Петр. Повтори.

Сазонов. Да что вы, Петр Иванович, в самом деле, что я правую от левой отличить не могу.

Петр. Ну, смотри. Давай, иди скорее.

Сазонов ушел.

В порядке. Если что и дрогнет в левом углу, так дальше не пойдет. Центр закреплен — паровозы можно пускать, груженные составы. Дядя Степан, ты от левого бока отойди на всякий случай.

Дядя Степан. Сейчас.

Воробьев (на лестнице, Сазонову).
Молодой человек — молоток.

Сазонов. Да подожди ты, Воробьев, меня Петр Иванович наверх послал.

Воробьев. Это я не знаю, кто тебя куда послал, а ты мне молоток давай.

Сазонов. Сейчас вернусь — отдам.

Воробьев. Это я третий день слышу — отдам. Клади молоток, клади.

Сазонов. Я же тебе говорю, что у меня срочность, что меня Петр Иванович наверх послал сказать, чтобы на одну сторону ничего не ставили, чтобы на левой стороне...

Воробьев. Это я опять не знаю. На какую там сторону — на левую или на правую, на правую или на левую. Ты меня не тумань. Ты мне молоток положи сейчас же.

Сазонов. Почему же на правую? Когда на левую.

Воробьев. Опять говорю — не знаю, Правую или левую. А я с тебя молоток возьму сейчас.

Сазонов. Да иди ты, в самом деле, путаешь только меня. Что ты пристал, как пьявка! Приду — отдам. (*Вырвался от Воробьева, убежал.*)

Воробьев (ему вслед). Мне чтобы молоток был сейчас же, Сазонов!

Входит С мелов.

Смелов (подошел к Петру). Ну, как дела, Петр Иванович?

Петр. Очень хорошо дела идут. Честное слово, к послезавтрашнему дню кончим крепить. И люди работают замечательно.

Смелов. Вы дали распоряжение начать вносить и монтировать машины?

Петр. Да. Нечего время зря терять.

Смелов. А вы уверены?

Петр. Уверен. Левый бок только сомнителен, но там ничего не стоит. Я дал распоряжение. Пойду проверю. (Идет к лестнице, поднимается по ней, сталкивается с Киричком, идущим в цех.)

Киричек. Товарищ Крымов, кто дал распоряжение вносить станки в цех?

Петр. Я.

Киричек. Категорически возражаю против этого.

Оба спускаются в подвал.

Сазонов (подбегает). Петр Иванович. Сказал Прохору Егоровичу...

Петр. Подожди ты...

Сазонов. Он только удивился. То, говорит, одно...

Петр. Я сказал, подожди. Товарищ Киричек, я считаю...

Киричек. Сперва укрепим подвал, а потом будет вносить и монтировать машины.

Петр. И потеряем чорт знает сколько времени даром. Надо действовать параллельно: укреплять подвал и постепенно вносить в цех машины, ставя их на укрепленные места. Надо выиграть время, товарищ Киричек, тем более, что пол укреплен, кроме одной стороны.

Киричек. Я не стану подвергать людей опасности. Я отменяю ваше решение. А в следующий раз попрошу вас, товарищ Крымов, вопросы такого порядка согласовывать со мной, а не брать их на себя.

Петр. Хорошо.

Киричек. Распорядитесь, чтобы люди немедленно вышли из подвала.

Петр. Хорошо.

Смелов. Товарищ Киричек, а вы уверены в том, что...

Киричек. Я уверен в том, что рисковать человеческой жизнью нельзя.

Смелов. Товарищ Крымов утверждает, что пол закреплен, кроме одного места. Так, может, мы сперва проверим это. Я думаю, что полезно было бы прекратить временно работу.

Киричек. Я думаю, что об этом нам с

вами полезно поговорить наверху, товарищ Смелов.

Смелов. Хорошо.

Киричек (Петру). Распорядитесь, чтобы люди немедленно вышли из подвала.

Ушел вместе со Смеловым.

Петр (громко). Товарищи, немедленно выйдите из подвала.

Воробьев, Сазонов и Маруся выходят.

А ты что, дядя Степан? Слышал распоряжение? Иди наверх, пожалуйста.

Дядя Степан. А чего там, наверху, делать-то, когда тут работать надо.

Петр. Давай, давай, дядя Степан. Давай, иди без разговору.

Дядя Степан. Ежели кому страшно, пускай уходит. А ты работай, Петя. Ты знай работай. А хочешь, и ты иди от греха. Я-то уж старый, Петя, и дома меня совершенно никто не ждет. (Тихо.) Ты не мрачней, Петр Иванович.

Петр. Вот тебе и послезавтра кончили крепежку. Пять дней носили машины наверх, теперь пять дней будем их выносить, потом опять вносить, потом монтировать. Время идет. За что нас советская власть любила,—

вот интересный вопрос. За какие такие успехи?

Дядя Степан. Что значит любила? Она нас и теперь любит.

Петр. Нет, вряд ли. Не думаю. Не за что.

Дядя Степан. Вот я думаю, Петр Иванович, тебе бы директором и быть.

Петр. Под суд бы только не угодить, и то слава богу. Выйди, пожалуйста, из левого угла.

Дядя Степан. Сейчас доделаю.

Петр. Выйди, я тебе говорю!

Громкий топот ног по лестнице. На лестнице
Крюков. Он кричит.

Крюков. На левом углу машину поставили. Выходи!

Петр. Кто посмел?

Треск. Петр бросается к дяде Степану, тащит его. Треск сильнее. Летят балки. Грохот. Все заволакивает пылью.

Занавес

Акт III

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Больничная палата. Одна койка. Петр в халате. Он прошелся по комнате. Еще совсем слабый, пошатнулся. На койке сидит Воробьев.

Воробьев. Сядь.

Петр. Сейчас. Что еще не забыть? Да! Полчаса назад у меня был Никитин. Я ему сказал. Но ты же знаешь эту светлую голову. Так что, проверь, пожалуйста, сам, Воробьев, что по спискам нехватает в ящиках, чтобы были комплекты, чтобы нам потом не копать, не теряться, а как по конвейеру, чтобы шло.

Воробьев. Хорошо.

Медсестра вошла и остановилась в дверях.

Медсестра. Простите, это что — к вам гости или по делу ходят?

Петр. А что?

Медсестра. Если проведывать, то, пожалуйста.— сегодня приемный день, а по делу категорически запрещено. Это уже третий человек у вас сегодня. Вы что же из больницы учреждение делаете, служебный кабинет? Вам нельзя, больной, никоим образом. Возьмите порошок. (*Дала порошок Петру и ушла.*)

Петр (*проводив ее глазами, тихо*). Вот что еще, Воробьев, прокладки, прокладки не забудьте. Понятно? И чтобы проверить.

Медсестра в дверях.

(*Заметил ее, другим голосом.*) А так я чувствую себя совсем не плохо.

Воробьев (*заметил медсестру*). Возможно, в ближайшее время и выпишешься, Петр Иванович.

Медсестра ушла.

Петр (*другим голосом, тихо*). Сегодня же иди на кухню к завхозу и скажи ему, что Петр Иванович Крымов, мол, просил передать, что он еще жив и умирать не собирается и в скором времени придет.

Воробьев. Да, уж обедами кормит! Что говорить, обеды.

Петр. Мне Мешков рассказал. Ты завхо-

эу скажи, что я с него шкуру сдеру, с подлеса, и в суп положу.

Медсестра в дверях.

Петр (*другим голосом*). А так я себя чувствую хорошо.

Медсестра (*подходит к койке*). Вы приняли порошок?

Петр. Сейчас.

Медсестра (*Воробьеву, решительно*). Вам пора уходить.

Петр. Еще одну минуту.

Медсестра. Я позову главного врача.

Воробьев. Верно, пошел я. Ну, поправляйся, Петр Иванович.

Медсестра (*Воробьеву*). Вы ходите сюда почаще, так он никогда не поправится.

Воробьев. Вот тебе подарочек от скуки, табачку. (*Вынимает пачку табаку из кармана*).

Петр. Я не курю сейчас.

Воробьев. Может, закуришь? А то другого у меня ничего совершенно нет.

Медсестра (*Воробьеву*). Берите ваш табак и немедленно уходите.

Воробьев. Я пойду. (*Ушел.*)

Медсестра. Ну-ка, быстро — порошок!

Петр. Характер у вас твердый.

Медсестра. Да и у вас не мягкий. Все дела устроили?

Петр (улыбнулся). Не все, конечно, но кое-что.

Медсестра. Ну, у кого же характер-то выходит твердый?

Петр. Ах, сестра, сестра! Вот вам интересно видеть, как больной выздоравливает?

Медсестра. Тридцать лет этим занимаюсь.

Петр. А вот когда из железа живая машина делается, это, думаете, не интересно? А? Когда из живой машины — живая жизнь прет и грохочет, а это, думаете, не интересно?

Медсестра. Да уж лежите вы, пожалуйста. (Уходит.)

Входят тетя Поля и Саша.

Петр (радостно). А вот и гости. Ну уж это действительно гости!

Саша (бросается к Петру). Дядя Петя! (Обнимает его.)

Петр (целует Сашу). Ах ты, парень мой дорогой!

Тетя Поля. Тянет меня: пойдем, пойдем к дяде Пете. Так скучает. Каждый вечер, как спать укладываю: «А завтра дядя Петя придет?»

Саша. Какой ты стал очень худой. Ты,

наверно, больной. А у нас чуть вчера пожар не был.

Петр. Да ну?

Саша. Вот, честное слово.

Тетя Поля. Ну, как вы, Петр Иванович, себя чувствуете?

Петр. Да уже ничего, тетя Поля. почти совсем здоров.

Тетя Поля. Какой здоровый! Белее белого. Ну, выздоравливайте, Петр Иванович. Дома у нас благополучно все. Саша, прощайся.

Саша. А я не пойду.

Тетя Поля. А ты мне что обещал?

Петр. Пусть посидит, тетя Поля.

Тетя Поля. Ну, что же, пусть. Да я, положим, еще зайду... В лавку схожу и зайду за ним. Ну, поправляйтесь, Петр Иванович. *(Идет к двери. Вернулась.)* Да, совсем забыла вам сказать: вас вчера женщина спрашивала. Очень такая красивая. В военном, с орденом.

Петр. Я это знаю, тетя Поля.

Тетя Поля. Кто сказал?

Петр. Нет, я это чувствовал.

Тетя Поля. Скажи пожалуйста. *(Ушла.)*

Петр. Я это чувствовал. *(Подходит к тумбочке, что стоит у изголовья кровати. На*

тумбочке стакан, в котором две хризантемы. Берет стакан.) Я это чувствовал.

Саша. А зачем ты их целуешь?

Петр. Потому что это счастье, малыш.

Медсестра входит.

Медсестра. Вам ничего не нужно?

Петр. Нужно. *(Показывает на стакан.)* Вот тут воду сменить.

Медсестра. Так я же сегодня утром меняла.

Петр. Что, вам воды жалко?

Медсестра. Да пожалуйста...

Петр. Эти цветы всегда требуют чистой воды.

Медсестра. Да пожалуйста... Сын на вас очень похож.

Петр. Что?

Медсестра. Сын, говорю, очень похож на вас.

Петр. Это не... *(Поглядел на Сашу, который прислушивается, оборвал фразу.)* Пожалуйста, воды.

Медсестра. Сейчас. *(Уходит.)*

Петр. Только не из большого крана. Там мутная. Подождите. Вы слышите, что я вам говорю? *(Вышел за ней.)*

Входят Маруся и Крюков.

Маруся. Ну, доволен?

Крюков. Да.

Маруся. Тебе бы с ним вместе и жить. Зачем тебе жениться было? Вот не знаю.

Крюков. Марусенька, не болтай глупости. Человек болен.

Маруся. Ты же дрожишь весь. Ты когда ко мне на свидание ходил, не дрожал.

Крюков. И вовсе я не дрожу.

Маруся. А то я не вижу. Уж если мужчина мужчине цветы носит... *(Берет стакан, разглядывает хризантемы.)* И подобрал как— белую и желтую. Вот мне ты ни разу цветов не принес.

Входит Петр.

Петр *(удивлен и обрадован)*. Смотрите, дела какие!

Маруся. Здравствуйте, Петр Иванович.

Петр. Здравствуйте, Маруся.

Крюков *(подходит к Петру, протягивает ему руку, и неожиданно они крепко по-мужски обнялись и расцеловались)*. Ну, вот.

Маруся *(искоса глядит на них. Потом подходит к Саше)*. Чем ты, малыш, занимаешься?

Саша. Я реку строю.

Маруся. Скажи пожалуйста. *(Играет с Сашей, но все время наблюдает за Петром и Крюковым.)*

Крюков. Ну, как ты вообще?

Петр. Хорошо. Рука уже не болит, и тумана перед глазами меньше.

Оба сели на койку.

Крюков. А настроение?

Петр. А настроение, Сеня, чудесное.

Крюков. Хорошо.

Петр. И тому причина есть. Вот только дядя Степан меня волнует. Как он?

Крюков. Дядя Степан? Дядя Степан ничего... Поправляется.

Петр. Ну, слава богу! *(Пауза.)* А ты ничего не замечаешь, Сеня? *(Кивнул в сторону тумбочки.)*

Крюков. Нет.

Петр. Плохо смотришь. Смотри сюда. *(Показал на тумбочку.)* Что ты видишь?

Крюков. Ну, цветы. Хризантемы.

Петр. Ах, цветы! Это, что-же, по-твоему, просто цветы? Как ты считаешь? Это ты знаешь, от кого цветы? От Ольги. Да, брат, от нее. Две хризантемы я ей отнес, и две хризантемы она мне в ответ прислала. Вот что это за цветы. Понятно теперь?

Крюков *(тихо.)* Понятно.

Петр. Это что-то доказывает, Сеня.

Крюков. Безусловно.

Петр. Доказывает, доказывает. Это я сам знаю. Значит, женщина что-то чувствует.

Крюков. Наверно.

Петр. Нет, брат, не наверно, а так точно. Да. И так, уж если честно говорить, женщину строго судить я не умею. Честное слово. Бывают увлечения там у них, моменты. И мы ведь тоже не святые.

Крюков. Но ты-то уж святой в этом отношении. Я же знаю.

Петр. Тоже, брат, не очень. У меня в прошлом году был такой случай...

Крюков. Перестань врать.

Петр. А что?

Крюков. Вот все. Перестань врать.

Вошла медсестра. В руке у нее графин.

Медсестра. Ну, давайте ваш стакан. *(Наливает воду в стакан.)* Вниз ходила.

Петр. Вот теперь хорошая вода.

Медсестра *(Крюкову)*. Беда с вашими цветами. И больше не носите, пожалуйста. Он только нервничает из-за них, из-за ваших цветов. Температуру он себе из-за них нагоняет. *(Ушла.)*

Петр *(глухо)*. Спасибо, Сеня.

Крюков *(растсрянно)*. Да нет... Я, понимаешь...

Петр. Нет, спасибо, спасибо... Все равно, спасибо.

Крюков. Ты бы лег, Петя. Очень ты бледный.

Маруся (*подходит к койке*). Вы бы легли, Петр Иванович.

Саша. Ложись, дядя Петя, слышишь.

Петр. Да что вы все на меня навалились. (*Пытается шутить.*) Столько здоровых на одного больного.

Шутка не получилась. И то, что Крюков пытается улыбнуться, еще больше усугубило это.

Ты, Сеня, садись рядом. Вот так. И вы, Маруся, садитесь сюда. Расскажите что-нибудь. Ну, как вы живете, как любите друг друга?

Крюков. Да уж какая особенная любовь, Петя.

Маруся. Что? (*Удивленно поглядела на Крюкова и прочла что-то в его глазах.*) Верно. Ругаемся больше. Да где она, любовь-то, на свете бывает, Петр Иванович? Вернее всего люди ее выдумали. И нет ее вовсе.

Петр. Нет... Что вы... Есть любовь. Большая, огромная.

Входит Ольга.

Маруся. Бог ты мой, Оля!

Ольга и Маруся расцеловались.

Вид какой у вас интересный.

О л ь г а. Сеня, здравствуйте.

К р ю к о в. Здравствуйте, Оля.

О л ь г а. Прямо мне не верится, что я вас всех вижу. Я так рада. Я так по вас скучала.

М а р у с я. Смешная какая вы стриженная. Но, знаете, вам идет.

О л ь г а (Крюкову). А Маруся, Сеня, похорошела. Сеня, что вы краснеете так сильно? Маруся, он оказался ревнивым?

М а р у с я. Не очень.

О л ь г а. Ну, так, как мы с вами тогда и предполагали.

М а р у с я. Мы все говорим, разговариваем, а Петра Ивановича совсем заговорили. Он сидит бледный, бледный, и слова сказать даже не может.

П е т р. Нет, мне нравится, вы говорите, говорите.

О л ь г а. Петя, ты бы лег.

П е т р. Да нет, ничего. Только что пришла и так же — ты бы лег. Почему-то здоровые люди признают, больных только в лежащем состоянии. Когда больной сидит, он что, не внушает доверия, что ли?

М а р у с я. А нам, пожалуй, пора.

К р ю к о в. Безусловно.

П е т р. Куда же вы уходите? Только что пришли.

Маруся. Нет, пора. Поправляйтесь, Петр Иванович. Оля, вы к нам обязательно приходите. Мы рядом с Петром Ивановичем живем.

Ольга. Ну, конечно же, зайду. Да я ведь дня через два-три опять уезжаю. Но зайду обязательно.

Маруся. Если вы уедете и не зайдете, то больше никогда на глаза не показывайтесь.

Ольга. Конечно, зайду, что вы.

Крюков. Ну, всего хорошего. Оля, приходите обязательно. Пойдем, Маруся.

Ушли.

Ольга (проводила их глазами, а когда за ними закрылась дверь, подошла к Петру). Дай я погляжу на тебя. (Глядит мгновенье на Петра. Потом быстро обнимает его, целует в губы.)

Петр (улыбнулся). Хорошо разглядела?

Ольга. Ты такой же, как был. Я не сказала бы, что ты изменился, нет.

Петр. Борода, Оля, седой стала.

Ольга. Да ну!

Петр. Честное слово. Проснулся как-то утром, поглядел в зеркало, что-то белеет. Гляжу, седина. Как-то мне даже не по себе стало. Поздравляю тебя, Оля.

Ольга. Спасибо.

Петр. Такой орден! Молодец ты. Показала себя. Да ведь я в этом и не сомневался. Я бы тоже не сказал, что ты очень изменилась. Глаза такие же.

Ольга (смеется). Как у простой дворовой кошки.

Петр (смеется). Определенно.

Ольга (смеется). «И вот в кошку, например, никто не влюбляется, а в тебя я влюбился»...

Петр. Да.

Ольга (вдруг прервала смех). Нет, я счень изменилась, Петя. Я стала взрослая, почти что старая.

Петр. Еще бы. Небось, уже двадцать четыре стукнуло.

Ольга. Не смейся. Я все видела, Петя. Все, все. И не было дня, чтобы я не вспоминала о том, о том... что я даже и не прощалась тогда с тобой. Боже мой, какая я была глупая! Мне все время хотелось видеть тебя. Я была маленькая и глупая, Петя! Вот, когда стоишь перед смертью, Петя, все становится понятным. Когда стоишь перед смертью, твое сердце знает, кто у тебя есть в мире. С кем прощаться. Мое сердце прощалось с тобой, Петя. Только тебя хотело оно, одного тебя изо всех людей. И нет никакой разницы, какой это человек, которого лю-

бишь, — сильный или слабый, красивый или некрасивый, умный или глупый. Это все — чепуха! Он! Только он в этот момент! Не мать, нет, он! *(Пауза.)* Почему ты молчишь? Почему ты ничего не скажешь мне?

Петр. Я думаю о том... Кто за такое короткое время научил тебя так хорошо лгать? В каком он звании — лейтенант, майор, капитан?

Ольга. Как тебе не стыдно!

Саша *(подходит к Ольге)*. Вы лучше не ходите к нам. Я вас не люблю.

Петр. Саша!

Саша. Все равно не люблю. *(Ушел в угол.)*

Петр. Я все знаю, Оля. А, главное, все понимаю.

Ольга. Ты ничего не понимаешь. Я больше тебе не скажу ни слова об этом. *(Пауза.)* Скажи мне, Петя, ты еще любишь меня?

Петр. Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь? Я любил тебя, когда ты уезжала, значит, люблю тебя и сейчас. Моя любовь, как тебе это... как бы тебе сказать... Это и есть. Я любил тебя раньше, чем узнал. Я, наверно, родился для того, чтобы любить тебя. Как же может пройти любовь, ведь я же еще живой!

Ольга. Какой ты наивный человек. Любовь проходит, иногда приходит на смену другая любовь.

Петр. Нет. Так не бывает.

Ольга (удивленно). Что?

Петр. Не бывает так.

Ольга. Да что ты, тысячи случаев!

Петр. Ни одного случая.

Ольга удивленно глядит на него.

Уходит та любовь, которой и не было. И уходить-то нечему.

Ольга. Значит, мы с тобой будем счастливы!

Петр. Не знаю.

Ольга. Ты сказал «не знаю», точно сказал «нет».

Петр. Я сказал — не знаю. (Пауза.) Сколько времени мы были женаты до разлуки?

Ольга. Год и три месяца. А что?

Петр. Нет, так (усмехнувшись). Значит, ты поняла, что тебе не очень важно, что я такой ничтожный и слабенький человек? Так, что ли? Что все равно меня можно все-таки любить? В общем, я, кажется, амнистирован.

Ольга. Какой ты стал злой.

Петр. Я, наверно, всегда был злой. Ты разве забыла, как твоя мама часто повторяла,

что у меня другая кровь, злая, грубая, рабочая, что поколений пять, а то и десять, по ее мнению, должно пройти, чтобы эта кровь посветлела. Очевидно, она была права — твоя мама.

Ольга. Знаешь, давай не будем говорить. *(Вдруг заплакала.)*

Петр *(искоса поглядел на нее и закашлялся. Глаза и движения растерянные)*. Оля, Оля... Ты знаешь, тово, а? Ну, чего же плакать?

Открывается дверь. Входит медсестра в сопровождении весьма смущенного Крюкова.

Медсестра *(Крюкову)*. Да что вы все по коридору ходите или у дверей стоите? Пришли сюда, так сидите здесь. *(Петру.)* Термометр возьмите. *(Дает термометр и уходит.)*

Петр. А ты, Сеня, не ушел?

Крюков *(растерянно)*. Да, я понимаю... Мне тут еще одного человека навесить надо было.

Петр. Ну, заходи, Сеня.

Крюков. Да нет, я уж пойду.

Ольга. Заходите, Сеня, а мне вот, действительно, уж пора.

Петр. Да что вы все торопитесь, честное слово. Ну, садитесь сюда. Сеня нам что-ни-

будь расскажет. Он, Оля, такой же веселый, как и был. Расскажи что-нибудь, Сеня.

Крюков. А чего же рассказывать? Тебе отдыхать надо. Пойдемте, Оля.

Ольга (Крюкову). А вы без меня уйти не хотите? Бойтесь его со мною оставить? Я же его, честное слово, не трону.

Крюков. Ну, что вы, Оля, даже смешно.

Петр. Подожди, Сеня. Мы с тобой о делах даже не поговорили.

Крюков. Да дела ничего.

Петр. Что значит — ничего? Должны быть хорошие, а не ничего. Голос у тебя какой-то скучный. Что там?

Крюков. Говорю, ничего. Ждем бетон.

Петр. Что?

Крюков. А что делать-то? После аварии вопрос решился.

Петр. То есть как решился? Почему решился? Кто его решил?

Крюков. Ну, вот, стал волноваться. Тебе же нельзя.

Петр. Ты мне брось зубы заговаривать! Крепеж не сделали?

Крюков. Нет.

Петр. Центр в порядке? Правая сторона в порядке?

Крюков. Да.

Петр. И все в том же положении, в каком я оставил?

Крюков. Да.

Петр. Ты идешь сейчас же ко мне на квартиру и принесешь сюда мои вещи. Понятно?

Крюков. Понятно только одно, что ты сошел с ума.

Петр. Я тебе приказываю это сделать.

Крюков. Тебя же не выпустят отсюда!

Петр. Принесешь вещи — уйду.

Крюков. Ты же больной. (Ольге.) Честное слово, не знаю, что с ним делать.

Ольга. А ничего не нужно делать, Сеня. Не нужно никуда ходить, и ничего не нужно приносить.

Петр. Вот что, Оля. У тебя есть свои дела. У меня есть свои дела. И давай не будем вмешиваться в дела друг друга, хотя бы потому, что мало в них каждый что понимает.

Ольга. Ты со мной так никогда не говорил.

Петр. Случая не было. (Крюкову.) Ты чего, собственно, дожидаться? Я, кажется, велел тебе быстро принести вещи. (Идет в угол.) Тут еще у меня были ботинки.

Ольга. Петр!

Крюков (тихо Ольге). Оставьте его, он все равно пойдет.

Ольга. А я говорю, не пойдет, никуда он не пойдет.

Крюков. Эх, Оля, Оля. Смешно глядеть на вас. Умны вы, Оля, а не понимаете.

Ольга. Что?

Крюков. Он же железный человек. Ах, Оля, Оля... Он же весь завод в руках держит. Это же действительно Петр — камень. И, если понадобится, то он вас, Оля, вот видите (сжимает кисть руки), как букашку. И вы не пискнете даже, Оля. Уж мне вы поверьте. Я его всю жизнь знаю и во всех видах видел.

Петр. Нет ботинок, нет... (Подходит к Крюкову.) Чего ты канителишься?

Крюков. Не стоит все-таки, Петя.

Петр. Я тебе приказываю.

Крюков. Не надо сейчас итти на завод, Петя.

Петр. Что значит, не надо?

Крюков. Не надо. Дело в том, что...

Петр. Что ты мямлишь? Или говори, или иди за вещами немедленно.

Крюков. Дело в том, что...

Петр. Ну же!

Крюков. Дело в том, что дядя Степан...

Петр. Ну, что дядя Степан?

Крюков. Дядя Степан скончался. И те-

бя сняли, и после выздоровления постановлено отдать тебя под суд.

Петр. Дядя Степан?!

Крюков. Да.

Петр сел на койку и закрыл лицо руками. Так сидит он несколько мгновений. Крюков и Ольга смотрят на него. Потом он встал, медленно подошел к Крюкову и сказал твердо.

Петр. Иди немедленно и принеси мои вещи. Понятно тебе?

Крюков (тихо). Понятно.

Занавес

Акт IV

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Дальний угол заводского двора, вернее, пустыря, где обосновался эвакуированный завод.

Обрыв к реке. Отсюда виден весь город. Заборчик окружает небольшой холм. На холме деревянный памятник. Только что кончились похороны. Это тот момент, когда нужно уже расходиться, но люди не могут расстаться. Стоят кучками. Вот кто-то принес заводское простое знамя.

У свежей могилы спиной к зрителям человек. Он сидит на корточках, расчищает землю руками, возится с кирпичами, видно, старается сделать лучше и пристойнее последний приют человека.

Появляются Ольга и Петр. Неподалеку от них Крюков. Петр идет неверной походкой, вот его качнуло, и Ольга поддержала его. Их заметили рабочие. Смотрят на Петра с удивлением.

Петр поздоровался с одним рабочим, тот ему не ответил и отвернулся.

Ольга. Отдохни. Ты чуть не упал. Я стою рядом с тобой, я не дам тебя в обиду. Ты не беспокойся, я сильная. Я все в жизни видела. Я буду защищать тебя. Дай мне руку. (*Обращаясь к рабочему, который стоит рядом.*) Почему вы так глядите на него?

Рабочий. А вам какое дело? (Отвернулся.)

Ольга (сильным движением руки заставляет его повернуться). Я не люблю, когда во время разговора со мной отворачиваются.

Рабочий. Ну, ну. (Отошел.)

Ольга (Петру). Идем. Опирайся на меня.

Они подошли к могиле. Петр освободил свою руку и подошел совсем близко. Читает надпись на памятнике:

«Степан Сергеевич Лукашин 67 лет. Он отдал жизнь за дело рабочего класса».

Петр (повторил). Он отдал жизнь за дело рабочего класса.

2-й рабочий. Жизнь-то его отняли. (Глядит на Петра.)

Ольга (рабочему). Отойдите.

2-й рабочий. А что такое?

Ольга. Я говорю — отойдите. Ну?

2-й рабочий. Не была бы ты женщина и военная, я бы тебе показал такой разговор.

Ольга. А вот я женщина и военная и говорю — отойдите.

2-й рабочий отошел.

Крюков. А фамилия его, оказывается, Лукашин. Его всегда все звали дядя Степан, дядя Степан. Никто, ну, скажи, ни один человек, фамилию его не знал. Дядя Степан, дядя Степан.

Петр. Меньше нас стало. И меньше не на одного человека. Нет.

3-й рабочий (тихо). И как-то все время его нехватает. Оглядываешься, ищешь его, где же это старик запропастился?

Петр. Что?

3-й рабочий. Где, говорю, старик запропастился?

Человек у могилы встал, обернулся и подошел. Это Киричек. Руки его в земле.

Киричек (тихо). Похоронили согласно выраженной им последней воли. «Старуха — говорит — в Москве похоронена, дети по свету разошлись, с семи лет вся жизнь тут, на заводе, пусть здесь и буду лежать». (Пауза.) Меня он учил работать и брата моего старшего учил работать.

Петр. А кого он не учил? Всеобщий наш учитель. И не дожил до пуска. А как хлопотал.

Киричек. Жизнь всегда обрывается не в тот момент. В самый неподходящий момент. (Усмехнулся.) А когда, собственно, подходящий? Какой же подходящий момент может быть?

Петр. Товарищ Киричек, мне сказали, что я...

Киричек. Да.

Петр. Из этого ничего не выйдет, имейте в виду.

Ольга. Успокойся, Петр. (Людам, которые стоят рядом.) Ну, что вам надо здесь? (Петру.) Петр, идем отсюда.

Киричек. То есть как не выйдет? Товарищ Крымов, вы понимаете, что вы сказали?

Петр. Да.

Киричек. Вы не можете быть допущены к работе. Вы должны ответить перед судом.

Петр. Да, я виноват. Я не проследил — выполнено ли мое приказание. Это был трудный день. Мне не удалось проследить. Это был сумасшедший день. Но все равно, я виноват. Я отвечу перед судом, но только после того, как будет пущен завод.

Киричек. Нет.

Петр. Да.

Киричек. Вот результат вашего поступка. Человеческая жизнь. А разница выходила в каких-нибудь двадцати днях. За двадцать дней — жизнь человека, товарищ Крымов. Вы понимаете это?

Подходит С мел о в, останавливается поодаль.

Петр. Нет, я не понимаю. Двадцать дней! Не понимаю. В тех местах, которые заняты врагом, льется детская кровь. Там мучают наших людей. Люди ждут нашего

прихода. Партия сказала им: «Братья, ждите нас, мы еще придем». Так вот, кой-какую роль играет, когда мы придем. Мы можем притти кое-куда чересчур поздно. Мы можем опоздать на час или на минуту. Двадцать дней — сколько в них крови наших людей и сколько мук! Я не уйду с завода до пуска. Я забаррикадируюсь в своем цехе, и вам не взять меня!

Киричек. Это что, восстание, товарищ Крымов?

Петр. Да, восстание. Если вам нужна моя жизнь, — возьмите ее, но через день после пуска завода. Если советский суд признает это, возьмите мою жизнь, мою свободу, но только на другой день после пуска завода. До этого я не уйду с завода. Я пушу цех через две недели. Даже если рот это небо упадет на землю. Подождите две недели.

Киричек. Хорошо. Я согласен.

Крюков (бросается к Киричку). Товарищ Киричек! (Жмет ему руку.) Вы настоящий человек, товарищ Киричек.

Петр. Нет, совсем не настоящий.

Ольга. Петр! (Киричку.) Он болен, он еще болен! Вы понимаете, он еще болен!

Петр. Я здоров.

Киричек. Вы обвиняете меня?

Петр. Теперь я обвиняю.

Киричек. Что вы хотите?

Петр. Вы добрый и хороший человек, вы один из тех добрых и хороших, которые стоили нам много лишней крови.

Киричек. Пока я вижу, что вы нам стоили лишней крови, товарищ Крымов.

Петр. Нет, это не лишняя кровь. Она могла бы не пролиться. Но если она пролилась, то она пролилась в бою. Она выжгла у меня сердце, но она не последняя кровь, которая прольется. Вы добрый, товарищ Киричек, вы хороший. Я — злой. Я — плохой. Но я с добрыми сейчас не работаю.

Киричек. Значит, вы считаете, что я...

Петр. Считаю. Я не буду с вами работать. Почему не было второго штурма, как на войне, когда первый был отбит, третьего, четвертого, двенадцатого и так до победы? Почему испугались, когда пробой лишь в одном левом углу, а во всех местах машины стоят как вкопанные? Ну, я совершил преступление. Ну, меня надо казнить, убить. Чорт со мной! Почему за десять дней на заводе ничего не делалось и все так же, как я оставил? Почему потеряли десять дней, пока я валялся в этой проклятой больнице, почему не крепили пробсину бревнами, досками, чортом, дьяволом, собственными костями, если это было нужно? Почему? На кого вы на-

деялись? На других? Кто обязан за вас воевать? Кто обязан за вас умирать? Почему вы не участвовали в войне десять дней? Вы не директор, вы не командир. Вы барахло!

Ольга. Петр! ((Киричеку.) Вы видите, что он совсем болен. (Петру.) Петр, я умоляю тебя...

Киричек. Значит, вы считаете, что я не могу... Что я не гожусь быть директором?..

Петр. Да, считаю...

Киричек. Товарищ Крюков, вы тоже так считаете?

Крюков. Я... я не знаю.

Петр. Надо знать. Ну, старый друг, говори правду, если ты годишься не только в хорошие друзья, но и в коммунисты. Тебе кто-то, вероятно, наболтал сгоряча, что коммунистом быть легко. Врали.

Киричек (Крюкову). Помните, что вы когда-то мне говорили и трясли мне руку. Вы говорили, что вы не забудете того, что я сделал для вас.

Крюков (с усилием). Я считаю... что товарищ... что товарищ Крымов прав.

Киричек. Вы это говорите?

Крюков. Да.

Киричек. Это страшно. Вы тоже, следо-

вательно, считаете, что я... что я — барахло...
(Воробьеву.) Вы тоже считаете?

Воробьев. Вы — мягко стелете, товарищ Киричек.

Киричек. Что же, вам жестко спать было?

Воробьев. Нет, зачем жестко? Спать мягко. Врать не стоит. Очень мягко. Только сны плохие.

Чистяков (Киричку, указывая на Петра). Вот он работать умеет. Всем бы нам так. Он пришел ко мне и сказал: «Ты начальник цеха, давай дружно жить». — «А разве мы ссоримся, Петр Иванович?», — говорю я. — «Нет, говорит, пока нет, но вот-вот подеремся. Почему не пускаешь станки, Чистяков? Поставили, а они стоят без дела. Полуфабрикаты привезли, работайте. В чем дело?» — «Как же, говорю, Петр Иванович, — крыши же еще в цехе нет, мороз, метель». — «А у бойцов под Москвой есть крыша? Их ненависть греет. Где же ваша ненависть?» И стали мы работать. И он тут. Того ободрит, на того прикрикнет, этого пристыдит. И работали мы, снегом покрытые, а на душе — тепло, точно прямо в руки бойцов подавали снаряды: «Берите, товарищи, бейте сволочь». И песни даже стали петь. Шутить стали. А он мечется и туда и сюда. Заморился.

Глаза ввалились. Пол у него в цеху не ладится, а тут и у нас хватает дела. Да.

Пауза.

Смелов. Я должен сказать, что переноска машин в цех до окончания крепежа делалась с моей санкции. Крымов почему-то считает нужным замалчивать об этом. Я знал и, следовательно, санкционировал это.

Петр. Нет, вы здесь ни при чем..

Смелов. Не надо самопожертвования, товарищ Крымов.

Петр. Нет, нужно самопожертвование. Я знал и знаю, что если меня уберут с завода, то только он (*указывает на Смелова*) может пустить завод. Какой суд (*голос дрогнул*), какой суд что может у меня отнять, когда дядя Степан, который меня, одинокого, голодного мальчишку... голодного мальчишку подобрал на улице, накормил, одел и привел сюда на завод... (*Глухим голосом.*) Когда дядя Степан погиб по моей вине. Вот на этом суде (*указал на сердце*) мне не нужны ни свидетели, ни защитники. Они не помогут.

Киричек (*тихо*). Я хочу сказать вам... Я хочу сказать вот что... Я хочу сказать, что, какой бы я ни был (*заикается от страшного волнения*), я никогда не совершал преступления против моей партии, и если я... Мне

тогда не нужно ни директорство... ничего.
(Ушел быстрыми шагами.)

С м е л о в. Товарищ Крымов, все вопросы будут решены сегодня же.

П е т р. Товарищ Смелов...

С м е л о в. Вы потеряли спокойствие, Петр Иванович. Я говорил вам как-то, что спокойствие — это разум работы. А работа — она злая, она ничего не прощает. Так вот, хоть сейчас будьте спокойны.

П е т р. Товарищ Смелов...

С м е л о в. Ну! Через полчаса я вас прошу зайти ко мне. (Ушел, догоняя Киричка.)

Ушел и Крюков, разбрелись рабочие. Ольга и Петр остались одни. Вдали показываются тетя Поля и Саша. Саша увидел Петра, бросился к нему.

С а ш а. Дядя Петя, ты уже пришел?

Т е т я П о л я. Господи, Петр Иванович, да кто же вас больного-то выпустил? Ох, доктора, доктора! Дело, конечно, не мое, но я бы этих докторов нахлестала. Человек белее белого, еле на ногах стоит. (Отошла.)

С а ш а (неожиданно). Дядя Петя, а где мой папа?

П е т р. Приедет.

С а ш а. Вот тетя Поля тоже говорит все

приедет, приедет, а никто все не приезжает. Ни папа, ни мама. *(Прижимается к Петру.)*

Петр гладит его по голове.

Петр *(Ольге)*. Что же ты отошла?

Ольга. Тебе совсем не нужна моя помощь. *(Заплакала.)*

Петр. Оля, ну, зачем ты... Оля, я прошу тебя.

Пауза

Я должен тут быть один.

Ольга. Я уйду. Но я боюсь за тебя, ты же еще очень слаб, Петя.

Петр. Нет, я не слабый.

Ольга. Хорошо. Я уйду. *(Уходит.)*

Петр стоит и смотрит ей вслед. Саша прижался к нему. Вот Ольга скрывается из виду. Петр берет Сашу за руку. Они подходят к могиле дяди Степана.

Петр. Здесь лежит, Саша, мой отец, твой дед. Да, он был мне настоящим отцом. Здесь лежит отец Петра Ивановича Крымова — Степан Сергеевич Лукашин. *(Пауза.)* Мы остались с тобой вдвоем, отец. И нет судей между нами. Прости меня. Помнишь, как ты мне сказал когда-то: «Грязный ты, грязный мальчуган, глупый ты, глупый. А все равно придется из тебя сделать человека. Потому что другие нам ни к чему». Я тоже сделаю его человеком. *(Указывает на Сашу.)* Твоего внука. Клянусь тебе, старик, что мы пошлем

на их головы наши страшные снаряды. Клянись тебе, отец, что мы воспитаем таких людей, которые нашим врагам будут страшнее всяких снарядов. Наша порода будет никем непобедимой. Клянись тебе в этом, отец. Мне на земле спокойствия больше не будет. Разве я на один день могу забыть, что я сделал, что произошло. Прости меня, отец мой, прости...

С а ш а. Дядя Петя, не надо плакать...

Темнеет сильнее. Вот уже полные сумерки. Двое стоят неподвижно.

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Кабинет директора завода. Обстановка обычная.
Стол, кресло, шкафы.
Киричек и Петр.

Киричек. Вот тут лежат списки. Это токарный цех.

Петр. А где кузнечный?

Киричек. Списки у вас?

Петр. Да, да, верно.

Киричек. Ну, тут, кажется, все. Завод Калининский должен был вчера отгрузить болты.

Петр. Запишу.

Киричек. Заводоуправление надо теревить все время.

Петр. Будем теревить.

Телефонный звонок.

Кого? Вас, товарищ Киричек. *(Дает трубку.)*

Киричек. Да. Я слушаю. Понятно. Вы короче. Нет, завтра не сумею подписать. Временно исполняющим обязанности директора завода назначен товарищ Крымов. Я ухожу. Будете говорить с ним? Хорошо. Товарищ Крымов, возьмите трубку. *(Персдает трубку Петру.)*

Петр *(взял трубку)*. Слушаю. Да, да. Понятно. Ну, нет, вы не получите. Нет. Я не дам ни одной доски. Они мне самому нужны. Что? Товарищ Киричек позавчера еще не знал ничего о перестройке склада. Это возникло только сегодня. Не кричите. Что? Вы не пугайте меня Комитетом обороны. Вы лучше Комитету обороны объясните, почему вы своих не взяли. Понимаю... Понимаю. Да.

о вы же не на свадьбу ехали, а на работу. Нет, дело ваше. *(Положил трубку на рычаг.)* Ему столбы нужны. Еще что ему нужно?

Киричек *(вынимает папку из стола)*. Это мои личные дела. Мне кажется, теперь все. Да, завтра до двенадцати заявку в банк. Не забудьте. Иначе Румянцев к пятнадцатому не даст ни одной копейки.

Петр. У меня записано.

Киричек. Ну, кажется, все... Впрочем, я пока здесь. И все, что вам будет нужно...

Петр. Да, конечно.

Киричек. Ну, желаю вам успеха. *(Идет к двери.)*

Петр. Подождите.

Киричек. Что вам?

Петр. Сядьте.

Подошел к двери, захлопнул ее и запер на ключ. Киричек удивленно посмотрел на него и сел в кресло.

Я обязан вам сказать несколько слов.

Киричек. Вы обязаны или вы это хотите?

Петр. Хочу.

Киричек. Тогда я слушаю.

Петр. Я не буду ничего скрывать. Я сделал все, чтобы вы ушли с этого места. Но даю вам слово, я не хотел занять его.

Киричек. Это неважно.

Петр. Я занял его временно. Вы знаете решение назначить меня вридом до пуска завода, а потом разбирать дело по существу, то есть передать его следственным органам.

Киричек. Зачем вы мне все это говорите? Я более или менее в курсе дела.

Петр. Я знаю, что вы сейчас испытываете. Я знаю, что такое для вас притти сейчас,

среди белого дня, домой. Может быть, в первый раз в жизни.

К и р и ч е к. Хватит, Петр Иванович! Вы как-то мне сказали, что привыкли без чужой помощи класть заплаты на сердце. Так я тоже это предпочитаю. *(Идет к двери.)* Откройте дверь.

П е т р. Сейчас. Я все знаю и все понимаю. Но скажите мне сами, как я должен был поступить? Скажите вы. Я знаю, что вам на это трудно ответить. Я хочу вам сказать только об одном. *(Волнуется.)* В Москве... Вы, наверное, знаете этот случай? Вот в Москве был человек... он был директором завода. Он хорошо работал. Его назначили наркомом, он сорвался. Его сняли с опубликованием в печати. Там было сказано: «за очковтирательство». Это было написано в «Правде». Это было очень стыдно. Он два месяца ходил по улицам, играл днем с сыном. По вечерам он пил. Приходили приятели. Они много пили. Один раз он даже заплакал. Но советскую власть он не ругал ни разу. Да, еще. Жена его оказалась стервой. Она бросила его. Он ее очень любил... Через два месяца ему дали назначение — начальником пролета одного из цехов среднего завода. За этот год он получил два ордена и стал директором завода. Он стал седым за этот год и очень

постарел. Я почти что не узнал его на улице. Я уверен, что он скоро будет наркомом. Он уцелел потому, что в нем не угас человек, не угас большевик, что в сущности одно и то же. Это место (*он указал на кресло, на стол*) — это не постоянное место. Оно не принадлежит ни мне, ни вам, никому. У нас нет постоянных мест и не может быть. Это очень жестоко. Но мы взялись за большое дело, и оно этого требует. На этом месте всегда будет сидеть только тот, кто нужен родине. Я ли это буду, вы, третий, пятый — неизвестно. (*Пауза.*) Вот и все, что я хотел сказать вам. (*Подходит к двери, отпирает ее.*) Выдержите — слава вам, не выдержите — погибнете. И никто тут не поможет. Никто и ничто. Пожалеть добрые люди пожалеют, а помочь не сумеют.

Дверь открыта, Киричек может уйти, но он не уходит.

Киричек. То, что вы говорили... я хочу сказать вам... Не забудьте завтра с начальником дороги... насчет ветки к заводу. Он обещал начать.

Петр. Хорошо. И вот что, Иван Николаевич, — вы заходите. Так прямо, без всяких. У вас опыт... Ну да, самолюбие. Понимаю. Но сейчас, ей богу, самое главное — пустить завод, а все остальное, честное слово,

ни черта не стоит. Много наши с вами самолюбия значили б, если б немец нас завоевал? Давайте, Иван Николаевич, помогайте. Это, конечно, труднее, чем замереть в отдалении. Для этого настоящий характер нужен.

К и р и ч е к. Ну, я пошел. (Ушел.)

Петр перешел к столу, нажал кнопку звонка. Вошел секретарь.

Петр. Через полчаса вызовите ко мне всех начальников цехов и товарища Смелова.

Секретарь. Хорошо.

Петр. Постарайтесь соединить меня с Москвой, с наркоматом.

Секретарь. Сейчас буду пытаться. Вас ждет жена, Петр Иванович, в приемной.

Петр. Попросите ее зайти.

Секретарь. Сейчас. (Открывает дверь.) Пожалуйста, заходите.

Входит Ольга.

Петр (встал с места и пошел к ней). Оля, заходи.

Ольга. Я зашла совсем ненадолго. Дело в том, что я уезжаю.

Петр. Как? Уже уезжаешь?

Ольга. Да, Петя, пора.

Петр. Вот какое дело...

Ольга. Хоть расстроился немного?

Петр. Очень расстроился. Очень. И ты надолго теперь?

Ольга. Кто же это может знать?

Петр. Да, да.

Ольга. Ну, как твоя рука?

Петр. Боюсь, что у станка мне не работать никогда.

Ольга. Я думаю, что она хорошо срастется.

Петр. Пока незаметно, но будем надеяться.

Ольга. Я оставляю тебе свой адрес. Мне очень надо будет знать, чем кончится это дело. Неужели тебя осудят?

Петр. Не знаю, Оля. Я же не юрист. Да я сейчас не думаю об этом.

Ольга. Ты даешь мне слово, что напишешь подробно обо всем?

Петр. Конечно. *(Пауза.)* Дружба твоя ко мне не прошла. Это я чувствую, Оля, и очень ценю.

Ольга. Я люблю тебя, Петя, если бы ты знал, как я сейчас люблю тебя! И вот что я хочу сказать тебе. Я уезжаю. Увидимся ли мы вообще когда-нибудь? Я уезжаю на фронт. Тут тоже фронт. Не такие уж большие шансы для встречи, будем говорить открыто.

Петр. Да.

Ольга. Я не могу расстаться с тобой, не выяснив, не сказав тебе... Зачем ты тогда в

больнице сказал мне, что я лгу? Я не лгала тебе. Что ты знаешь? Ну, что?

Петр. Это неважно.

Ольга. Нет, говори. Я требую, чтобы ты сказал!

Петр. С каждой женщиной... вы, женщины, иногда...

Ольга. Знаешь что... Знаешь, давай без амнистий, она мне тоже ни к чертям не нужна. Говори прямо. Ну!

Петр. Я видел карточку у тебя на тумбочке в больнице. Я прочитал надпись на карточке.

Ольга. Эту? *(Вынимает из сумки карточку.)*

Петр. Да.

Ольга *(читает)*. «Это не забыть никогда».

Петр. Перестань!

Ольга. Не кричи! Да. Это не забыть никогда. Я спасла жизнь ему. Я вытащила его из огня. К тому месту, где он лежал, двое суток нельзя было подойти. Это у нас называется «мертвое пространство» — это когда происходит перемещение и нельзя подойти ни нам, ни им. Оно не принадлежит ни нам, ни им. И ими и нами обстреливается. Иногда на этом мертвом пространстве находятся живые люди. Вот и все.

Петр. Почему... почему же ты мне не сказала?

Ольга. А ты меня спрашивал? Я ведь тоже, знаешь, Петр не воск. Тебе что, хочется узнать, любил ли он меня? Да, любил. Еще что хочешь узнать? Вот его письма. *(Вынимает несколько писем из сумочки)*. Что еще хочешь? Любила ли я его? Нет. Я двоих любить не умею сразу. *(Пауза)*. Мы прожили с тобой вместе больше года. Ты ничего не сделал для того, чтобы я узнала тебя. Почему ты ничего не сделал для этого?! Почему ты во всем всегда подчинялся мне?

Петр. Я любил тебя. Я и сейчас мечтаю о том, чтоб подчиняться тебе. Только тогда я спокоен, когда ты рядом и что-то там приказываешь, и на чем-то там настаиваешь. И шум все время вокруг тебя какой-то. Такой хороший шум, как сама жизнь хорошая.

Ольга. Вот именно: что-то. Ты, я теперь уверена, даже не знал, что я приказываю и на чем я настаиваю.

Петр. Честно, Оля, не всегда. Ты же была совсем маленькая.

Ольга. Я была глупая... Ты уверил меня, ты создал впечатление. Мне казалось, что я хозяйка. Что я главная. Мне это, конечно, нравилось... Но я вижу теперь, что я никогда не была главной и никогда не была хозяйкой!

Петр. Оля, не кричи на меня, Оля!

Ольга. Буду кричать.

Петр. Может, тебе хочется ударить меня — пожалуйста.

Ольга. Стоило бы, между прочим. Ты такой сильный и здоровый, что даже не заметишь. *(Засмеялась.)* Мама мне говорила: «Что же это за муж, Оля, у тебя? Ходит за тобой, как собаченка, в глаза тебе глядит и только время от времени грубит, неизвестно почему. Как же ты с ним жить будешь? Кто же тебя защитит?» Хорошая собаченка. Ничего себе собаченка... Это тигр целый, а не собаченка. Глупый ты... Я все равно от тебя не уйду. Можешь прогнать — не уйду. Я люблю так, как ты даже понять не в состоянии. *(Обнимает, целует его.)*

Он целует ее. Так они замерли в объятиях друг друга.

Петр. ...Оля.

Ольга *(тихо)*. Так хорошо мне сейчас.

Петр. Оленька, милая, родная!

Ольга. Родная... милая... Теперь можешь мямлить сколько тебе влезет, но уж не проведешь. Теперь я знаю.

Петр. Оля, что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал? *(Целует ее.)*

Ольга. Ничего.

Петр. Нет, я что-то должен для тебя сделать. *(Ходит по комнате.)* Что же?

Ольга. Просто люби меня.

Петр. Нет, нет. Что же я могу для тебя сделать сейчас? Кажется, действительно, ничего. *(В руке у него металлический нож для разрезания бумаги. Он сжал его и согнул.)*

Ольга. Спасибо, Петя. Ничего себе пальчики. Что же будет, если ты вздумаешь меня бить? *(Поцеловала его.)* Но я очень рассчитываю, что этого никогда не будет.

Петр. Ты сошла с ума!

Ольга. Ну, вот, Петя, я уезжаю.

Петр *(упавшим голосом)*. Уезжаешь?..

Ольга *(пишет на столе)*. Вот мой адрес.

Петр. Оля, береги себя... *(Высморкался.)*

Ольга. Ну, ну, Петя, не надо...

Петр. В тебе же две жизни — моя и твоя. Береги их, Оля. *(Высморкался.)* Не надо ходить в эти, как они там у вас называются... мертвые пространства. Ты же женщина, все-таки... Пусть туда ходят мужчины. Что же у вас делают мужчины?

Ольга. Сейчас ты такой же, как год назад. Но теперь я тебя знаю. Хорошо, я не буду ходить в мертвые пространства. Но и ты, Петя, не ходи в мертвые пространства, не выискивай, что там есть живое. Сыграем, как говорится, так на так.

Петр. Береги себя, Оля. Ты сейчас поедешь по железной дороге, инфекция... Ты всегда пьешь сырую воду. Я прошу тебя не пить сырой воды.

Ольга. Что?

Петр. Не надо пить сырую воду.

Ольга. Хорошо. *(Неожиданно заплакала и обняла его.)* Хорошо, я не буду.

Петр. Что ты, Оля?

Ольга. Нет, я ничего. Я ничего.

Петр. Ты знаешь, что это такое заболеть сейчас в дороге? Да еще без меня.

Ольга *(надела пилотку)*. Ну, Петя...

Петр. Уже уезжаешь?

Ольга. Да.

Они обнялись.

Петр. Подожди еще хоть немного.

Ольга. Я должна ехать на вокзал. Может быть, еще сегодня и не уеду. Знаешь, как теперь с поездами. По телефону ничего выяснить нельзя. Поеду, буду сидеть, ждать. Может быть, уеду с эшелоном.

Петр. Вот с эшелоном я не советовал бы, ты же все-таки после ранения.

Ольга. Да неизвестно, будет ли еще эшелон.

Петр. Да, и неизвестно, будет ли еще эшелон.

Ольга. Ну! (*Целует его.*) Если я сегодня не уеду, я позвоню с вокзала. (*Обняла его, еще раз поцеловала и быстро ушла.*)

Петр бросился к двери. Открыл ее и смотрит Ольге вслед. Тихо сказал.

Петр. Анна Петровна.

Секретарь. Что, Петр Иванович?

Петр. Мне жена будет звонить с вокзала. Соедините, кто бы у меня ни был.

Секретарь. Что же, я не понимаю, Петр Иванович!

Петр. Как с Москвой?

Секретарь. Обещали дать.

Петр. Люди вызваны?

Секретарь. Да. (*Ушла.*)

Петр (*закрыв дверь, сел к столу, увидел карточку*). Забыла. (*Читает.*) «Это не забыть никогда». (*Кричит.*) Анна Петровна!

Секретарь. Что, Петр Иванович?

Петр. Пойдите-ка сюда!

Она подходит к столу.

Какая у меня женка-то!

Секретарь. Интересная женщина.

Петр. Что там. интересная! Интересная — это само собой. Вот смотрите карточку. Она этого командира спасла. Вот читайте, что он на оборотной стороне пишет. У них там какие-то эти мертвые пространства.

Секретарь. Что?

Петр. Ну, в общем подойти было нельзя, а она вытащила его.

Секретарь. Ну, они там, на фронте, замечательные дела делают. Мне тоже сын пишет иногда с Юго-Западного. Вы знаете. Петр Иванович, он мальчик еще совсем, а получил на-днях звание старшего лейтенанта вне очереди. Вот только писем что-то нет от него давно. Хотите взглянуть, какой он у меня? Вот тут он маленький. *(Показывает на брошку, в которой маленькая фотография.)* А вот *(вынимает из кармана фотокарточку)* — это уже он на войне.

Петр. Рослый парень.

Секретарь. У меня с мужем беда, Петр Иванович. Так он тоскует по нем. Так изменился. Знаете, по ночам перестал совершенно спать. Он у нас единственный, и муж, понимаете, просто изводится.

Петр. А вы не изводитесь?

Секретарь. Ну, я тоже, конечно.

Петр. Это что у вас в руках, какая-то бумага?

Секретарь. Да нет, ничего.

Петр. Ну, давайте, давайте.

Секретарь. Я тут заявление написала. Дело в том, что я у товарища Киричека была временно, просто поскольку Роза Ар-

кадьевна хворала. Меня перевели из отдела главного инженера. Роза Аркадьевна сегодня звонила, она выходит. Ей, собственно, все равно, она говорит — тут или там.

Петр. Ну, а вы хотите обратно, что ли?

Секретарь. Да видите, я еще сама не знаю.

Петр. Что-нибудь говорили вам про меня веселенькое?

Секретарь. Нет, я не сказала бы, что-бы так уж очень говорили.

Петр. А все-таки?

Секретарь. Ну, говорили, что очень тяжелый характер у вас, а я человек нервный, Петр Иванович, особенно теперь.

Петр. Ну, что же, идите в отдел главного инженера. Давайте заявление, я подпишу. Характер у меня, действительно, тяжелый. Может быть, вам... Ну, давайте... Ну, что же вы?

Секретарь. Я подумаю, Петр Иванович.

Петр. Ну, что же, подумайте. Тем более, что я тоже здесь временный, вроде вас.

Секретарь. Я подумаю.

Петр. Подумайте, и будем тут оба временные.

Секретарь ушел, входит Крюков.

Крюков. Можно?

Петр. Заходи, товарищ начальник кузнечного цеха. Жду. Сенька, а у тебя даже по-

ходка солидная стала. А Ольга-то, брат, а? (Дает карточку.) Смотри и читай. Из мертвого пространства человека спасла, честное слово. И вот он чего написал.

Крюков. Молодец женщина!

Петр (показывает на карточку). И человек ничего себе. Не какое-нибудь там барахло спасла. Видишь, какой парень.

Чистяков (открывает дверь). Можно? (Подходит к столу.) Что это вы тут разглядываете?

Петр. А это вот моя жена человека спасла на фронте. У них там, понимаешь, мертвые пространства какие-то. (Кричит.) Анна Петровна; мне с вокзала не звонили?

Секретарь (у двери). Нет, не звонили.

Смелов (вошел). Не начали еще? Что вы тут смотрите?

Петр. А это моя жена. Тут уж я рассказывал. У них там, на фронте, так называемые мертвые зоны. Да, да.

Входит еще несколько человек.

Ну, это я вам потом расскажу. Давайте начнем совещаться. (Подходит и занимает свое место у стола.) Ну, так вот, товарищи.

Тихо открывается дверь. Входит Киричек.

Киричек. Я собственно... тут остались

мои личные бумаги. Я хотел забрать... Но у вас тут совещание... Мне не срочно.

Петр. Ничего, ничего, товарищ Киричек. Заходите и садитесь, пожалуйста.

Киричек (оглядел всех присутствующих. Общая атмосфера неловкости). Нет, нет. Я возьму уж потом. Вы продолжайте. Или сейчас?.. (Подходит к шкафу, открывает ключом.) Кстати и ключ вам оставляю. (Открыл один из ящичков, ничего не нашел.) Ну, всего вам.

Киричек дошел до двери, навстречу ему секретарь.

Секретарь. Петр Иванович, Москва на проводе.

Петр. Давайте.

Секретарь. Тут будете говорить?

Петр. Да. (Берет трубку.)

Киричек стоит у двери.

Алло! Хорошо. Жду. (Ко всем.) Товарищи, минуту тихо посидите. (В трубку.) Да, я жду, жду. Да, не отхожу, Алло! Да, это Крымов, товарищ народный комиссар. Слушаю. Нет, пока ничего не получили. Нет, это я вас вызвал. Ах, вы меня тоже вызвали. Я вызвал вас затем, чтобы передать вам, что коллектив рабочих завода и руководящий состав дает клятву...

Все переглянулись.

через десять дней не только пустить завод, но отгрузить первую продукцию. Срочно телеграфом сообщите нам разнарядку, куда грузить. Коллектив завода, парторг ЦК, товарищ Смелов и я, Крымов, просим вас, товарищ народный комиссар, передать товарищу Сталину, чтобы он был спокоен за нас. Точная дата выпуска первой продукции — двадцатое декабря. Что? Да. Конечно, мы понимаем всю ответственность этого заявления. Да. Спасибо, спасибо. Нет, никаких сводок от нас не будет. Я сказал точно — двадцатое декабря, без всяких сводок. От вас из Москвы ждем хороших сводок военных. Ну, всего. Спасибо. *(Положил трубку.)*

Киричек теперь отходит от двери, садится на крайний стул.

Очень хорошо. *(Кричит.)* Анна Петровна!

Секретарь в дверях.

Мне с вокзала не звонили?

Секретарь. Нет, пока не звонили.

Петр. Ну, ладно. Итак, товарищи, все ясно. Двадцатого декабря будет выпущена первая продукция. Это будет означать, что мы вступаем в войну, что против ненавистного врага нашего выходит через десять дней еще один советский завод, еще один богатырь, и новые страшные удары получит враг...

Занавес